

СПАСАТИ ЧАЭС

Книга 3

ПРИПЯТЬ

1979

ДАМИРОВ И ГАУСС

Спасти ЧАЭС

Максим Гаусс

Спасти ЧАЭС: 1985. Книга 3

«Автор»

«Автор»

2023

Гаусс М.

Спасти ЧАЭС: 1985. Книга 3 / М. Гаусс — «Автор», «Автор», 2023 — (Спасти ЧАЭС)

До предполагаемой аварии на Чернобыльской АЭС остается менее года, а Алексей Савельев имеет лишь обрывочные, почти не подтвержденные сведения. Остаются только догадки и предположения, что инцидент произошел не случайно, а запланирован кем-то влиятельным заранее. Очевидно, что где-то в Припяти действует неуловимый диверсант, раскусить которого будет непросто...

© Гаусс М., 2023

© Автор, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Максим Гаусс, Рафаэль Дамиров

Назад в СССР: 1985. Книга 3

Глава 1

Не став дожидаться того момента, когда Григорий меня заметит, я отошел в противоположный конец помещения. Мое появление в гостинице в такой неподходящий момент, наверняка отпугнет его. Он мужик явно сообразительный и наверняка задастся вопросом, какого черта я тут делаю в такое время, да еще и по военной форме? И неважно, что все это случилось случайно.

Тот человек, которому Гриша отдал конверт, довольно быстро покинул гостиницу, отправившись куда-то в сторону Дворца Культуры «Энергетик». На улице Курчатова все было рядом – считай, самый центр атомограда.

Через пару минут спустился Прудников. Вид у него был мрачный.

– Идем, Савельев!

Так, судя по всему, все прошло не очень хорошо. Интересно, какие же между ними проблемы? Кто вообще такая эта Маргарита? А вообще-то, это меня не касается. Захочет, сам расскажет.

Комбат вышел из здания гостиницы и сразу же направился к машине. Явно заскучавший водитель уже раздобыл где-то журнал и сидел, увлеченно разглядывая женщин в купальниках. Настолько увлекся, что приближение майора естественно профукал.

– Ракицкий, убери эту порнографию, заводи машину! – распорядился комбат.

– Чего сразу порнография? – обиделся старший сержант. – Вполне нормальный журнал, цивилизный. Просто девушки купальники демонстрируют.

– Вот и разглядывай их в свободное от службы и безделья время. Поехали!

– Есть, товарищ майор! Обрато в гарнизон?

– Да.

Движок взревел, машина тронулась с места. Но проехав буквально несколько метров, мы остановились. Двигатель внезапно заглох. Несколько попыток его завести ни к чему не привели.

– Я не понял, Ракицкий! Что за новости? – возмутился комбат.

– Да что-то, странное... – пробормотал сержант, выбираясь наружу. – Сейчас разберусь!

Вот только разбирался он долго, минут двадцать. В конце концов Прудников выбрался наружу, нервно закурил. Некоторое время он стоял в задумчивости и смотрел на здание гостиницы, что-то бормоча себе под нос. Судя по всему, прокручивал в голове ту ситуацию, что произошла в номере Маргариты. Конечно, психолог из меня никакой, это лишь простые наблюдения.

Сначала я хотел подойти к Прудникову и сославшись на завтрашнее задание, касающееся его сына, отпроситься домой. Ну какой смысл мне сейчас в десять вечера ехать в часть, а утром снова переться на Янов, затем ползти на автобусе в город?

Однако взвесив все за и против, решил, что не время для подобного. Еще попаду под горячую руку. Хотя, тут как посмотреть. Учитывая моральное состояние майора, его решение могло быть каким угодно. Тут не предугадаешь.

– Ну что там, Ракицкий?! – рявкнул комбат, видимо, потеряв терпение.

– Да тут что-то...

Я тоже вылез из машины, шагнул к нему, заглянул под капот. Автомеханик из меня так себе, но я сразу понял, что сержант вообще из той категории водителей, которые привыкли

только ездить, но никак не чинить. Именно такие люди потом будут самыми желанными клиентами для модных в двадцать первом веке автомастерских. И все для удобства – кофе, конфеты, игровая приставка. А между тем я видел массу людей, которые и отвертку-то толком держать не умеют. А все потому, что руки не из того места растут – это, между прочим, самая распространенная мутация в будущем.

За короткий период уйдет та традиция, когда мужики собираются по выходным в гаражах, сбежав от своих жен, и совместными усилиями чинят имеющийся автомобиль. Причем чинят как раз таки редко, большую часть времени они выпивают, играют в карты или домино, или просто перетирают волнующие их темы.

Очень скоро отечественный автопром выйдет из моды, навсегда закрепив за собой репутацию вечно ломающихся ржавых колыхаг. Модными станут другие авто, в которых с ключом на тридцать два и молотком уже и чинить-то нечего. Лично я ничего против советских и российских машин не имел, у самого в прошлой жизни был УАЗ Патриот, которым я был очень доволен. М-да, ключевое слово – был...

– Тьфу ты! Так у тебя же бронепровод отошел! – восторженно произнес я, уже через минуту обнаружив проблему.

Такое тоже случается, хотя и редко. Учитывая, что наша военная техника перемещается по сплошному бездорожью, начальником автомобильной службы контролируется слабо, а у солдат-срочников вообще не имеет должного контроля... Да и ремонтируется только по факту серьезной поломки, то неудивительно, что вполне мог отойти высоковольтный провод.

– Да? – Ракицкий почесал затылок. – Ну, спасибо тебе, Леха. А то я в ремонте как-то не очень.

– Я это уже понял. Давай, заводи.

И о чудо, УАЗ-469 завелся без проблем.

– Ну, наконец-то! – комбат выбросил окурков и вновь влез в машину. – Поехали...

Старший сержант довольно хлопнул капотом, влез обратно на место водителя. И тут майор вдруг обернулся и остановился взглядом на мне.

– Так, Савельев! Ты ж завтра на особом задании, верно?

– Так точно, товарищ майор!

– Живешь далеко?

– Да нет, в двух кварталах всего.

– Вот и шагай домой. Нечего кататься туда-сюда. Уж как-нибудь обойдемся без тебя до следующего вечера.

Не поверив своим ушам от радости я, тем не менее, сдержался, отреагировал нормально.

– А увольнительная?

– Без нее погуляй. Не думаю, что в такое время здесь у тебя кто-то проверит документы.

На Янов по гражданской форме приедешь, там переоденешься. Вечером, в восемь, тебя Кулагин встретит.

– Есть! – ответил я. – Разрешите идти?

– Иди. Кстати, подарок где?

– Так у вас же в палатке на столе остался, – ответил я, вспомнив про духи.

– Все, свободен! – кивнул комбат.

Ракицкий, осознав, что я только что получил увольнение со службы на целые сутки, выразительно присвистнул.

– Чего свистишь? – пробурчал Прудников, посмотрев на него недовольным взглядом. –

У него специальное задание.

– Виноват, товарищ майор, – тут же отозвался водитель.

Я захлопнул дверь, а машина тронулась с места, быстро скрывшись за поворотом.

Улыбнулся, посмотрел на часы. Время десять, возвращаться к Юле было глупо – скорее всего, она уже готовится ко сну. А вот вернуться домой и попробовать позвонить ей, идея куда лучше.

Так и сделал.

Главное, патрулю военной комендатуры не попасться – увольнительная моя просрочена уже. Станция Янов ведь не единственная точка, где дежурили патрули, в Припяти их тоже хватало. Как раз площадь перед ДК «Энергетик» была одной из них.

Осмотрелся – чисто. Вся территория хорошо освещена, кое-где еще бродили одинокие пешеходы и гуляющая молодежь. Увидел патруль милиции.

Быстрым шагом пересек площадь по наименее освещенному участку, свернул за здание «Ресторана», где мы отмечали последний звонок. До дома оставалось метров четыреста, не больше.

Уже расслабившись и облегченно выдохнув, я представлял себе кружку горячего чая, да аппетитные мамины булочки, как вдруг сработала чуйка. Что-то мне не понравилось, а что – не пойму.

Остановился посреди тротуара, осмотрелся. Да нет, вроде все нормально – вокруг никого. Выпустил облако пара, зашагал дальше. Тревожное чувство, что за мной кто-то наблюдает, не покидало меня до самого дома.

Снова обернувшись, я разглядел несколько машин, но все они стояли на местах у обочины, да еще и с выключенными фарами. Справа, метрах в пятидесяти увидел вход в свой подъезд – там никого не было. Во многих окнах еще горел свет, многие жители дома уже собирались спать или просто смотрели вечерние телепередачи или кино.

Да в чем дело-то? Что же меня так беспокоит?!

Вспомнил про Пашенку. Пожалуй, это единственный человек, который был настроен ко мне негативно, при этом явно желая мне если не смерти, то суровой мести уж точно. Если он сбежал от милиционеров, а скорее всего, так и получилось, то он может представлять угрозу. Но откуда ему знать, что я в увольнении?

Именно с такими мыслями я шел к своему подъезду. Фонарный столб у дома почему-то был без лампы, хотя насколько я помню, раньше он работал. Тоже странный момент.

Остановился, снова осмотрелся. И вдруг, слева, метрах в шестидесяти увидел черный силуэт человека. Кто это мог быть, я понятия не имел. Человек просто стоял посреди улицы, не совершая никаких действий. Но вместе с тем я понимал, что он смотрит прямо на меня. Неподалеку от него стояла машина. Кажется, это была черная «Волга».

Одежда у него была странная, смахивала то ли на плащ, то ли на пальто. Учитывая погоду и время года, вряд ли плащ был бы к месту. Скорее всего, пальто.

Я тоже стоял и думал, как реагировать на это обстоятельство. Просто уйти? Возможно, самый безопасный вариант для меня. А если это что-то важное? С другой же стороны, проигнорировав вопросы безопасности, не зная, с кем имею дело, я могу попасть в переплет. Вот дерьмо, ну и как поступить?!

Повернулся и направился в подъезд. Безопасность важнее. Меня тут вообще быть не должно, так-то я сейчас должен находиться в гарнизоне строительного батальона под Яновом.

Однако войдя в подъезд, я понял, что и здесь меня уже ждут. У окна на первом этаже, спиной ко мне кто-то стоял. Лампочка на входе была выкручена, причем не просто так. Уверен, это сделали не хулиганы или какие-нибудь воры.

В те годы подъезды еще не оборудовались кодовыми замками, а тем более домофонами. И хотя существовали элитные дома, где подобное допускалось, такое встречалось крайне редко.

По всему получалось, что и войти в многоэтажный дом может, кто угодно. Вообще, квартал у нас тихий, хулиганов не было, а потому и ставить замок на подъездную дверь ни у кого мысли не возникало.

– Ну, привет, – послышалось из полумрака. Человек обернулся.

Раздались тихие шаги. Это точно не Пашенко и его дружки – те просто поперли бы напролом. К чему такие осторожности? Может, это кто-то из комитетских? Тогда зачем этот маскарад?

– Кто же ты такой, Алексей Савельев? – поинтересовался тот же голос.

– Наверное, человек, – спокойно ответил я, пытаюсь рассмотреть ночного гостя.

Послышался легкий смех.

– А ты не лишен чувства юмора, я смотрю. Это хорошо, так проще разговаривать.

Наконец незнакомец спустился ко мне, остановился в нескольких шагах.

– Это ведь ты был на заводе «Юпитер»? – напрямую спросил он.

Оп-па... Так вот откуда ноги растут! Завод, будь он не ладен!

– Вы кто? – ответил я вопросом на вопрос. Сам такую манеру общения не люблю, но тут пришлось действовать именно так.

– Да это неважно. Ты на вопрос-то ответь.

– На «Юпитере»? – я сделал вид что думаю, хотя в полумраке подъезда это не имело никакого смысла – все равно ничего толком не видно. – Ну да, наш строительный батальон там ремонт проводит. Всю прошлую неделю полами занимались.

Неизвестный ухмыльнулся. Его явно не это интересовало.

Я уже смекнул, в какую сторону пойдет разговор. Скорее всего, всплыл момент с начальником патентного отдела... Тот самый, который покойный Валера Степанов. И, в общем-то, я не ошибся.

– Ну да, строительный батальон Прудникова. Я в курсе. А расскажи-ка мне, про неучтенную продукцию, которую ты совершенно случайно обнаружил в патентном отделе.

– Чего-о? – протянул я. – Какая еще неучтенная продукция?

– В картонных коробках, – собеседник говорил спокойно, как-то вкрадчиво. Это мне не понравилось, хотя и прямой угрозы я пока не чувствовал.

– Понятия не имею, – небрежно фыркнул я. – Что за странные вопросы? И вообще, какого черта вы заявились ко мне домой в такое позднее время? Ничего не кажется странным?

– О! Нет, не думаю. Странно то, что военнослужащий срочной службы сейчас находится здесь, а не в своем гарнизоне. Еще странным можно назвать тот факт, что ефрейтор, ранее состоявший на должности секретчика, вдруг зачем-то попадает в строительный батальон, но при этом не поставлен ни на какую должность. Зачем здесь секретчик? Более того, в тот же день сверху приходит указание его не трогать, – спокойно произнес человек, загибая пальцы. – Еще странно, что буквально на следующий день этот военнослужащий попадает в патентный отдел на завод, где производится особая продукция, где его неожиданно застает начальник отдела, у которого есть свои грехи. А после там внезапно случается пожар, сам же начальник отдела таинственным образом погибает от сердечного приступа. И это далеко не полный список странностей, товарищ Савельев. Как вы все это объясните?

– Вы вообще кто? – спросил я, совершенно запутавшись.

– А на кого я похож?

Конечно же, я успел его рассмотреть – ничем не приметный тип, возрастом под тридцать пять. Гладко выбрит. Выглядит тепло одетым, но при этом весьма просто. Возможно, под пальто есть оружие, а может, и нет. Однако такое эффектное появление в моем доме наводило на определенные мысли.

Он совершенно не похож на того, кто мог руководить деятельностью Степанова. И тем более на иностранного агента... А хотя, откуда мне знать, как должен выглядеть этот человек?

– Понятия не имею, на кого вы похожи, – небрежно ответил я. – В чем проблема ответить на мой вопрос?

– Хорошо, – он протянул руку, в которой оказалось узнаваемое удостоверение офицера КГБ. Точно такое же я видел у Пономарева. – Теперь ясно?

– Более чем, – облегченно вздохнул я. Если удостоверение не поддельное, тут два варианта – либо меня зачем-то проверяют люди Андрея, либо этот чекист реально не знает, кто я такой. А ведь и правда, кто я? Неофициально завербованный Андреем человек? Он наверняка никак и нигде не афишировал факт того, что я помогаю ему в некоторых вопросах. Черт, да я даже не знаю, кто этот Андрей на самом деле. О, как же все это сложно.

– Так что вы скажете по поводу всего вышесказанного? – вернул меня к реальности голос чекиста, если, конечно, это был он.

– Случайное стечение обстоятельств.

– Серьезно? Не думаю.

– Ну а что? – теперь уже я начал давить. – Меня действительно перевели из военного аэродрома «Овруч» в строительный батальон под Припятью. Почему не озадачили? Да откуда же мне знать?! Я всего лишь ефрейтор, который вертится, как может. На «Юпитере» я действительно обнаружил ящики с неучтенной электронной продукцией – такие вещи я вижу с ходу, благо в учебке были хорошие учителя, научили меня как нужно. Вопрос с пожаром снимается автоматически – в тот день я стоял в наряде, в гарнизоне и на заводе меня вообще не было. А что до гибели Степанова, так извините – наверное, не пережил стресса. При пожаре столько всего сгорело, что ему наверняка от начальства прилетело. А если с нервами беда, дальше можно не объяснять. Вот и все. Очевидно же.

Комитетский выдохнул.

– Как у вас, товарищ Савельев, все складно получается! – заметил он, достав что-то из кармана. Я различил небольшой блокнот и авторучку.

– Я рассказал, как есть. Хотите арестовать меня?

– Вовсе нет, – он сделал всего одну запись в своем блокноте, закрыл его и снова отправил его в карман. – А на заводе «Юпитер» постарайтесь не попадать в поле зрения комитета государственной безопасности. Это не в ваших интересах, уж поверьте. Всего хорошего.

Он медленно обошел меня и открыв дверь, вышел на улицу.

– Подождите... – окликнул я. – Фамилия Лисицын вам о чем-нибудь говорит?

Офицер приостановился, чуть повернул ко мне голову и произнес: – Может быть.

А я судорожно выдохнул – ни фиги себе ночное приключение. Я вновь попал в поле зрения комитета, только в очень спорном свете. Не к добру это.

Постояв еще несколько минут, я все-таки отправился домой. Постучал в дверь.

Спустя минуту она открылась. На входе стоял отец, одетый в бесформенное спортивное трико и в заправленную в них белую майку. Он очень удивился моему неожиданному появлению.

– Леша? Ты чего это, случилось что-то?

– Нет, па. Все нормально, просто непредвиденные обстоятельства – завтра у меня еще одно увольнение, и комбат решил не гонять меня туда-сюда без веской причины. Поэтому я дома.

Пришла мама.

– Лешка? Ты все больше нас удивляешь. Ну, чего стоишь, раздевайся уже. Чай будешь?

– Это как раз то, о чем я сейчас мечтаю, – улыбнулся я. – И еще о булочках.

– Сейчас будут тебе булочки. А ты чего такой бледный? Замерз, что ли?

– Ну да, на улице похолодало. Ночь уже почти на дворе.

Постарался не показывать, что голова загружена произошедшим, хотя это было непросто. Настя уже спала, отец, посидев немного, тоже отправился спать. А мама сразу раскусила, что меня что-то тревожит. На то она и мать, все чувствовать на подсознательном уровне.

– Леш, что произошло? – спросила она, подсев ближе. – Я же вижу, что-то не так.

– Да все нормально, мам. Начальник на завтра задачу поставил, а я понятия не имею, как ее выполнять. Ну и сама понимаешь, сроки ограничены одним днем.

– Ясно. Вот сейчас покушаешь, отдохнешь. А завтра с утра все само в голову придет. Я отцу так же говорю. У них сейчас на работе тоже проблем хватает, какая-то кадровая перестановка. Отца, кстати, на четвертый блок переводят.

– Да? – напрягся я. Этого только не хватало. – А отказаться можно?

– Не знаю, – вздохнула мама. – Сам у него завтра спросишь. Ему к девяти на смену.

Допив чай и булочки, я отправился в ванную. Хотелось по-человечески, никуда не торопясь, принять ванну, при этом не оглядываясь на время. Здесь меня никто торопить не будет.

В кровать я отправился уже после двенадцати. Родители уже спали, а вот мне сон все не шел. Было над чем подумать.

Напрашивалось одно. На заводе «Юпитер» были свои представители комитета, именно в их поле зрения я и попал. При этом, они и понятия не имеют, что всеми моими служебными перемещениями руководит Андрей. Видимо, уровни совсем разные. Но я не исключаю вариант, что они уже обо всем догадались.

Хорошо хоть, что ночной гость оказался не из тех, кто отдавали распоряжения Валере Степанову. Тут разговор был бы короткий – пристрелили бы меня где-нибудь в темном переулке, и все. Чтобы нос не в свое дело не совал – метод прост и оригинален.

В какой-то момент я даже засомневался, а вывезу ли все это? Не слишком ли крутую задачу я себе поставил?

В конце концов, я все-таки заснул. И мне снова приснился сон, чего не случалось уже давно. Снова вмешательство высших сил или это я себя просто накрутил?!

Я снова был в Припяти, рядом здание медсанчасти № 126. Были sireны скорой помощи, тут и там стояли рафики с открытыми дверями. Еще был ГАЗ-66, какая-то «Волга». Повсюду была милиция в респираторах, военные с болтающимися на шеях «Лепестками». Бегали врачи, медсестры. Прямо на асфальте лежали наполовину раздетые, обожженные и израненные пожарные, привезенные машинами с ЧАЭС.

Я поднял голову вверх. Далеко справа был виден черный дым, идущий к северу – горящий энергоблок продолжал отравлять воздух.

Очевидно, это утро двадцать шестого апреля восемьдесят шестого года. Авария произошла несколько часов назад, возле медсанчасти царил полный неразбериха. Гражданских, большая часть которых были жены пострадавших пожарных и работников станции, не пускали и старались оградить.

Одетые в черно-белые костюмы пожарной защиты люди, с белыми касками на головах выглядели просто кошмарно. Обожженные, красные, грязные. Некоторые были перевязаны грязно-белыми бинтами, на лицах вата и марлевые повязки. Многих рвало прямо на асфальт, да что там – рвота была буквально повсюду. Я даже чувствовал этот запах...

Со всех сторон доносились крики, вопли. Кто-то звал врача, кто-то искал родных, милиция старалась все это контролировать, однако попытки оградить пострадавших не всегда имели эффект.

Зрелище просто ужасное, кошмарное. А ведь многие вообще не понимали, что произошло. Основная версия – надышались угарного газа. Медсестры пытались помогать, сами не понимая, с чем имеют дело.

Удивительно, но я мог перемещаться, а не висеть в воздухе, как бестелесный наблюдатель. Перемещаясь между машин, я остановился перед одной. Увидел чьи-то ноги, обутые в грязные черные туфли, серые штаны, какая-то рубашка.

Смутное чувство посетило меня.

Я подошел ближе, рядом возился врач с перекошенным от напряжения лицом, прямо ножом срезая мокрую одежду. Я заглянул в лицо лежащего человека и обомлел. Это был отец – Савельев Сергей...

Глава 2

Я проснулся так резко, словно меня ведром холодной воды окатили.

Мысли бешеным роем крутились в голове – сон улетучился мгновенно. Это что же выходит, слыше мне снова «добавили» мотивации?!

Только пару часов назад я узнал, что отца в ближайшее время переводят с третьего на четвертый энергоблок, как во сне я увидел его лежащим в карете скорой помощи... Он пострадал во время взрыва.

Нет! Этого не будет! Я не допущу!

Опустился обратно на влажную подушку, уставился в потолок. Почувствовал на себе чей-то взгляд, хотя в моей комнате никого не было. Вдруг какой-то тихий шум справа привлек мое внимание. Разглядел кота на столе.

– Тишка! Пшел вон! – прошипел я. Но кот считал иначе, просто сидел на столе и пялился на меня желтыми глазищами. Гипнотизер лохматый.

Животное наверняка еще в тот день, когда я впервые вошел в эту квартиру, почувствовало, что с настоящим Алексеем Савельевым что-то не так. Никакой мистики тут не было, просто кот. Сидит и наблюдает.

Забыв про мохнатого, я вновь вернулся к своим мыслям.

Что я вообще узнал за прошедшие девять месяцев? Что авария на Чернобыльской АЭС произошла из-за присутствия рядом засекреченного военного объекта «Око Москвы»? Быть может, иностранные спецслужбы сначала пытались уничтожить саму ЗГРЭС, а уже потом решили устранить проблему иначе? Очевидно, что и в КГБ прекрасно понимали опасность, а потому плотно перекрыли все пути к Чернобылю-2. Тот самолет, взлетевший с нашего аэродрома, был последней каплей, но его сбили.

С угнанным СУ-24 я, конечно, перегнул. До конца непонятно, что же там произошло на самом деле и к сожалению, этого я уже не узнаю. Та запись, снятая с бортового самописца, где якобы пилот увидел неопознанный летающий объект, всего лишь фальшивка, подкинутая из комитета.

Еще есть Григорий, который сам по себе темная лошадка. Его поведение и намерения вообще непонятны, особенно после того, что я вчера увидел в гостинице «Полесье». Что за сведения он передавал и главное – кому? И причастен ли он к готовящейся аварии?!

Также крайне мутный момент: что же там за история была с заводом «Юпитер»? Как меня там вообще срисовали? Неужели и вправду покойный начальник отдела Валера Степанов работал с комитетскими? И что, это они приказали ему устроить пожар? Или его устроил не он? Тогда кто?

Боже, как много вопросов. От них крыша едет, ведь ответа мне на них не даст никто. Хотя меня косвенно и прикрывает Андрей, но это не дает мне особой свободы. И главный момент – я все еще не знаю, как попасть на ЧАЭС!

А даже если и попаду, что мне там делать? Наверняка, на станции есть человек, (а может, и группа), который имеет четкие задачи: подготовить все и ждать сигнала для начала. Ну что мне, ходить у всех спрашивать – а не ты ли, уважаемый, диверсант, желающий устроить аварию? Нет? Ну, тогда извините, пойду дальше искать.

Одно дело – понять, а совсем другое – предотвратить аварию. Нет, предотвратить-то я ее могу, нужно просто взять автомат, явиться на блочный щит управления «№ 4» где-то в половине первого ночи двадцать шестого апреля и просто пострелять всех операторов. Радикально, просто и даже по-своему гениально. Но разве это выход?

И где гарантия, что через неделю эксперимент не повторят и подобное не произойдет снова? Нет, тут нужно действовать иначе. Ведь тут виноват не отдельно проводимый в ту

ночь эксперимент, а целый ряд сопутствующих факторов, сложившихся воедино. Вероятность такого – один шанс из тысячи. Но ведь случилось?!

Все это было рукотворно подведено к критической точке намеренно. Причем не последнее место уделяется и недоработкам в самом реакторе РБМК. Ими просто воспользовались, а после сделали основной причиной аварии, заодно сославшись еще и на ошибку персонала.

Однако ни в одном отчете нет ни слова о намеренной диверсии. И это неспроста.

Еще какое-то время я рассматривал вариант землетрясения, но быстро от него отказался. Что, землетрясение, даже локальное, произошло точно под четвертым энергоблоком? А на соседнем третьем, никаких следов природной катастрофы? Вероятность такого чуть ли не один шанс на миллион. Как вариант, еще использование геофизического оружия, но его возможное применение в восемьдесят шестом году – практически из области фантастики.

Пока размышлял об этом, устал так, что и сам не заметил, как вырубился.

Проснулся в семь сорок.

Быстро оделся. Вскоре проснулись все остальные.

Отцу нужно было идти на работу. Сели завтракать. Боже, как же я соскучился по обыкновенной яичнице с жареной на сковородке колбаской. Умял за пару минут, это вам не доставшая по утрам безвкусная овсянка.

От кофе за прошедшие месяцы я уже отвык, а армейский кофейный напиток меня достал до изжоги, поэтому налил себе чаю. Болтали обо всем.

– Леша, а тебе долго еще служить? – вдруг спросила Настя.

– Ну, еще почти полтора года. А что?

– Ты всерьез еще рассматриваешь учиться на офицера? – поинтересовался отец.

– Ну да, – не раздумывая, ответил я. – У отслуживших срочную службу, есть некоторое преимущество, в поступлении на офицерские курсы, – ответил я, хотя, честно говоря, несильно к этому стремился. Мысли о том, что я снова стану офицером, буду в разъездах, командировках... Ну, даже не знаю, хочу ли я этого на самом деле или просто выбрал то, к чему был ближе всего? Ведь когда я в начале лета говорил родителям о своих планах на жизнь, в них Юля еще не занимала весомой позиции...

– А на станцию к нам не хочешь? – спросил отец.

Ну да, конечно. Кем? Сантехником? Да меня в стены АЭС трактором не затащить – не хочу я там работать. Решить бы поставленную задачу и забыть про инцидент.

– Ты знаешь, пап... – осторожно произнес я, – не особо. Что-то не тянет меня на атомную станцию. Я, кстати, хотел спросить, ты действительно переходишь с третьего на четвертый энергоблок?

– Мать сказала? Ну да. В апреле планируется изменение штата сотрудников. На повышение пойду.

– А на второй или первый энергоблок нельзя уйти? – спросил я.

– Там все укомплектовано давно, – вздохнул отец, затем добавил: – К тому же мне сам Дятлов предложение сделал, а ведь он заместитель главного инженера второй очереди на АЭС. Такие предложения дважды не поступают.

– И все же, пап, может быть, откажешься?

Повисла продолжительная пауза.

– Что-то я тебя не пойму, сын... Почему ты так не хочешь, чтобы я переходил на другой энергоблок? Там и зарплата выше, и оборудование новее. Коллектив, конечно, не тот... Но со временем притремся друг к другу.

Ох, как же мне хотелось все ему рассказать. Об ужасной аварии, о последствиях для города и страны в целом. Обо всех пострадавших от Чернобыльской радиации, о погибших людях. Видел бы отец, во что превратилась Припять в две тысячи двадцатом году, давно уже

став печально известным городом-призраком. Туда будут только туристов возить, ну и еще сталкеры проникать. А до этого угрожают кучу денег, чтобы отстроить новый саркофаг...

– Я не могу объяснить, – наконец ответил я, естественно, не став рассказывать правду. – Просто, предчувствие какое-то нехорошее.

Он усмехнулся, взял газету.

– Это все глупые предрассудки. Нет там ничего опасного. Там же ничего не горит, нет ни газа, ни химии. Только атомы.

– Но ведь сколько уже было аварий на советских атомных электростанциях?! – яро возразил я, не сдержавшись.

– Каких еще аварий? Сколько? – вопрос реально удивил отца.

Ну, конечно. Это в моем времени в интернете можно найти любую информацию, нужно только знать, где и что искать. А в СССР все это держалось в строжайшем секрете. Что-то произошло? Тут же локализовали, устранили последствия, все расследования спрятали в архив, и все. Информацию об инцидентах под строгое ограничение. Не было никаких аварий и все тут. То же самое могло быть и с аварией на Чернобыльской АЭС, если бы не академик Легасов. Лишь к началу мая в одной из не самых крупных газет, название которой я уже не помнил, была крохотная заметка, по прочтении которой можно было сделать вывод, что ничего страшного не произошло.

Именно поэтому отец так и отреагировал – он не знал. Верил в безаварийность реакторов тех лет. Потому что ему так говорили, потому что так сложилось. А между тем, их было несколько десятков, пусть и куда меньше Чернобыльской.

– И откуда ты об этом знаешь? – сразу сказал он, явно приготовившись опровергнуть мои доводы.

И такая реакция мне тоже понятна – не знал он, что я разбирался в устройстве реактора РБМК и энергоблока в целом лучше, чем он сам. Уж за многие годы после техногенной катастрофы у меня было много времени изучить материалы.

Я понял, что дальше можно не продолжать. Ничего хорошего из этого не получится. Поэтому ничего отвечать не стал.

Обстановку тактично разрядила мама, сообразив, что беседа зашла в тупик.

– Сереж, ну ты все-таки еще раз хорошо обдумай, стоит ли переходить на четвертый блок, хорошо?! – затем повернулась ко мне. – Леша, ты что-то там про задачу от командира говорил. Решил, что делать?

– Да, кое-что придумал, – кивнул я, допивая чай.

Естественно, бродить по городу в военной форме я не собирался и причин на то хватало. Задача была специфическая, требующая тонкого подхода.

Сынок майора Прудникова, исходя из того, что я понял во время постановки задачи, рос без отца. А потому был своенравным, затаил обиду. Потому и все слова отца воспринимал скептически, считая, что сам знает, как достать деньги.

Найти подход к такому будет непросто, но мне ведь и не воспитанием заниматься нужно. Требуется тактично припугнуть, сославшись на то, что торговать, чем хочется и где хочется – нельзя. А остальное по обстоятельствам. Впрочем, я уже кое-что придумал.

Прежде чем уходить из дома, позвонил Юле, чтобы уточнить, во сколько она собирается уезжать, но попал на ее отца. В общем-то, неудивительно, воскресенье же – выходной.

– Привет, Алексей! – отозвался подполковник и тут же пошел в атаку. – Ну-ка объясни мне, что это за бутылка такая у меня в квартире появилась?

– Презент, – улыбнулся я. – От полковника Чайкина, из Овруча. Просил напомнить вам про зиму восемьдесят первого, в Афганистане.

– Так... – задумчиво произнес он. – Погоди-ка, шестнадцатое февраля? Под Кандагаром?

– Ну, таких сведений у меня нет.

– Ясно. Игорь Чайкин, майор... – по голосу я понял, что отец Юльки улыбается. – Ну, спасибо тебе, Леха! А как ты вообще на это дело подписался?

– Так он теперь начальник военного аэродрома под Овручем. Командиром у меня был. Когда узнал, что меня переводят в Припять, вызвал к себе, ну и вот...

– Понятно. Надо бы телефон его раздобыть.

– А Юля дома?

– Нет, она минут сорок назад ушла в магазин.

– А подскажите, товарищ подполковник, во сколько она сегодня уезжает? И откуда.

– Со станции Янов. Поезд в шесть десять.

– Отлично.

– А ты сейчас где?

– Дома, в Припяти. Увольнение растянулось на два дня. От комбата задача прилетела, поэтому, можно сказать, я на задании сегодня. Как закончу, сразу к вам.

– Хорошо. Ждем. Юле говорить, что ты подойдешь?

– Не стоит. Сделаю сюрприз.

– Ну, давай.

Он положил трубку. Я, в общем-то, тоже не любил долгие телефонные разговоры. У многих военных выработалась такая привычка, особенно у штабных. Звонков много, задач еще больше, а потому и времени на болтовню не хватает. Впрочем, везде по-разному – зависит от загруженности.

Я быстро переоделся, вышел на улицу.

Десятого марта погода была не очень. Небо пасмурное, морозец в минус два градуса и ветер немного портили общее впечатление от того, что вместо бесполезного времяпрепровождения в палатке с дембелями, я свободно гуляю по городу.

Пройдя вперед метров пятьдесят, я остановился. В голову пришла несвоевременная мысль – а откуда ночной гость с ксивой КГБ вообще узнал, что я буду ночевать дома? Вычислили меня? А где? Я же все время был в машине с Прудниковым, вышел только у гостиницы, но и там особо не светился. Так, а если комбат специально отпустил меня, потому что ему так велели? Зачем он вообще брал меня с собой, если велел остаться в холле «Полесья»?

Скорее всего, так и есть.

А если это были не чекисты? Если какие-нибудь ряженые? Убрать меня просто, а вот понять, что я собой представляю – куда интереснее. А если получится, то из этого можно извлечь свою пользу!

Двинулся дальше. Что толку размышлять? Я все равно не понимаю всей творящейся вокруг меня картины.

С чего же мне начинать?

Где искать сына комбата? Утро воскресенья, а значит, сейчас много жителей города ходят по магазинам, молодежь тоже. К тому же, Кулагин обронил, что импортные резинки он покупал у парня, моего возраста, рядом с магазином «Березка». Возможно, это тот, кто мне нужен.

Из информации, что мне дал комбат, я выяснил, что звали его Богдан, правда, фамилию ему мать дала свою. Фотография у меня тоже имелась, только устаревшая года на три. Но это не столь важно.

Свернул на улицу Лазарева, двинулся на север по тротуару.

Но не успел я пройти и двух кварталов, как услышал позади себя настойчивый звук автомобильного гудка. Обернулся и увидел смутно знакомый «Москвич-412», ползущий метрах в двадцати от меня по обочине. Окно открылось и оттуда высунулось знакомое лицо.

– Леха! Леха, здорова! – радостно заорал водитель.

– Женька? – неуверенно произнес я, двинувшись к машине. – Женька! Филатов! Да ладно!

– Ты почему не сказал, что в Припяти? – возмутился тот.

– Да как-то спонтанно получилось... – я подошел и заглянул в салон автомобиля.

– Садись, давай. Расскажешь. А то холодно сегодня!

Я влез в машину, пожал руку Женьке.

За прошедшие полгода он стал еще здоровее. Видимо, не только занимался спортом, но и кушал хорошо. Да и наследственное у него, отец его тоже немаленький.

– Ну, Леха! Рассказывай, как ты здесь очутился? Тебя что, комиссовали?

– Да ну, комиссовали! – возмутился я. – Тоже сказал, это ж только по состоянию здоровья. А я здоров как бык. Ну, по сравнению с тобой, я задохлик, конечно. Вообще заниматься перестал. Служба так себе, зато я теперь знаешь где?

– Ну-ка, удиви!

– Здесь, под Припятью. На Янове. А сейчас в увольнении.

– Да ладно, как ты сумел так близко подобраться?

– А! – я махнул рукой. – Не спрашивай, очень долгая история. Я теперь в стройбате состою. Обслуживаем корпус на «Юпитере».

– Ну, наверное, круто... А чего так? Род войск вроде не в почете, строить и ломать много ума не надо. Я слышал, что вам даже автоматы не положены?!

– Ну, в целом... Тоже долго объяснять. Ты сам-то чего здесь катаешься без дела?

– Да я, вообще-то, Катюху на автовокзал отвозил. У нее брат в Воронеже, вот она к нему в гости на неделю и уехала.

– Как там со свадьбой, все в силе? – поинтересовался я.

– Разумеется, все по плану. Как у вас с Юлькой? Был у нее?

– Вчера до самого вечера вместе были. У нее отца не было дома.

– А, понимаю!

Я неожиданно вспомнил про стычку во дворе.

– Жень, тут кое-что произошло. Я когда к Юле собирался, наткнулся на неприятную картину. До нее во дворе Миша Пашенко домогался. Угрожать пытался. Сцепились с ним, но эта гнида сбежала. Чувствую, еще даст о себе знать.

Женька тяжело вздохнул, и это показалось мне странным.

– Ты чего?

– Да Пашенко этот, черт еще тот, – начал Женья, продолжая вести машину. – После того, как ты его летом на место поставил, он в какую-то неприятную историю влип. Знаю, что сидел уже.

– Так, продолжай.

– Он когда вышел и узнал, что тебя в армию забрали, начал к ней приставать. Раз я с ним уже разговаривал, но ему все до одного места. Борзый. Совсем бесстрашный стал. Сначала он просто ждал Юльку возле дома, потом у магазинов. Я ей сразу сказал, что если нужна будет помощь, пусть только скажет. Я в городе часто бываю. Но она ни разу так и не обратилась.

– Странно, она мне об этом ничего не сказала, – пробормотал я. – Что еще расскажешь?

– А ничего. Вот все, что я знаю. Только Миша этот по воровской пошел, нехорошими делами занимается. От него можно ждать чего угодно.

– Вот урод! – процедил я. – Нужно было его в милицию сдать.

– А за что? – возразил Филатов. – Он свое отсидел, а сейчас осторожничает. Хотя грехов тоже хватает. Кто-то его под крыло взял.

– Ладно, пусть только попадет этот урод.

– Ты бы осторожнее с ним, мало ли что ему в голову придет?! А ты вообще куда собирался? – вспомнил Женька, сворачивая на Спортивную улицу.

– Да к «Березке». Дело у меня есть, служебное. Сделать нужно за сегодня, я собственно, потому и в увольнении. Кстати, ты сейчас сильно занят?

– Не, вообще никаких планов. А что?

– Есть просьба одна, – начал я, подбирая слова. – Мне тут со службы задача от комбата поступила, очень непростая, но интересная. Короче, нужно его сына мягко осадить. Парень решил, что отец ему не указ, занялся нелегальной торговлей средствами контрацепции. Видимо, кому-то в городе не нравится, что он ведет такую торговлю. Пару раз уже встревал, но выкручивался. А тут отцу парня как-то намекнули, либо он завязывает, либо ему усложнят жизнь. Отца он слушать не хочет, считает, что тот слишком много говорит о том, в чем не разбирается. Ну как-то так.

– А от тебя-то что требуется? – спросил Филатов.

– Придумать, как вправить ему мозги, пока не поздно.

– Ну и что ты решил по этому поводу?

– Не думаю, что это будет сложно, – произнес я, озвучив свои мысли. – Он простой перекупщик.

– Значит, где-то на свои средства покупает... А что именно он там продает?

– Контрацептивы, причем иностранного производства.

– Ого, оригинально он заработать решил, – фыркнул Женька. – Значит, нужно его найти, подойти побеседовать. Припугнуть и отобрать то, что продает. Причем, все сразу.

– Ну и что это даст? – возразил я. – Он еще купит. Сомневаюсь, что это правильное решение.

– Это еще почему?

– А если он продает не свое?

– Еще лучше, – обрадовался Женя. – Пока не вернет деньги за товар, никто ему нового не даст.

– И откуда ты об этом так много знаешь? – прищурился я. – Ты часом, ничем подобным не занимаешься?

– Ты что, скажешь тоже?! Да просто было дело одно в Киеве. Один мой знакомый решил продавать спортивные анаболики. Ну его так же прикрыли. Тут все по аналогии, только вместо химии, резиновое изделие.

– Ясно, – восторженно произнес я, затем спросил: – Поможешь разобраться с этим?

– Вообще без вопросов. А где его искать, ты знаешь?

– Есть у меня одна наводка, как раз у магазина «Березки». Зовут парня Богдан. Фотография у меня есть.

– А ну, покажи!

В общем, минут через десять мы подъехали к магазину, припарковались.

Немного побродили вокруг по улицам, вошли в сам магазин. Не было тут никого похожего на парня с фотографии. Минут двадцать на свежем воздухе, и я замерз.

Уже собирались вернуться в машину, когда я заметил кое-что интересное.

Мимо нас прошли трое парней примерно нашего возраста. Ни я, ни Женька их не знали – район-то не наш. Они направились во внутренний двор магазина, и это было неспроста.

Вышли оттуда довольно быстро. Вид у них был какой-то растерянный и недовольный. Это показалось мне интересным, а главное – тут же пришло возможное решение!

– Я сейчас! – бросил я Женьке и направился к ним.

– Привет, пацаны, – обратился я к ближайшему. – Вы не в курсе, где Богдана носит? Уже час его жду, «резинки» во как нужны!

– О, наш человек! – невесело ухмыльнулся крайний. – Нет его почему-то, обычно за магазином торчит. Сами ищем!

– Блин, вот засада, а! А где еще взять можно, не знаете?

– Не, здесь только у него есть.

– Ладно, спасибо, – поблагодарил я, после чего отошел обратно к Женьке.

– Ну? Узнал что?

– Узнал. Он точно здесь бывает.

– Подождем?

– А есть другие идеи?! – вздохнул я, растирая замерзшие ладони.

Прошло минут пятнадцать.

Мы стояли спиной к дороге, смотрели на магазин и выходящих оттуда людей. Я чисто интуитивно обернулся и открыл рот от удивления.

Подъехала белая, заляпанная грязью ВАЗ-2101, остановилась у обочины. Оттуда выбрался Миша Пашенко, а следом за ним сам Богдан, с небольшим картонным коробком из-под обуви...

Вот дерьмо, кажется, наш план только что посыпался...

Глава 3

– Твою мать! – процедил я, ухватив Женьку за плечо. Развернул его в противоположную сторону, чтобы нас не заметили. Двинулись прочь.

– Видел?! – хмыкнул Филатов. – Это же были Пашенко и сынок твоего командира? И он явно не просто так сидел с ним в машине!

– Согласен. Давай отойдем в сторону.

Я на миг обернулся – Богдан и Миша уверенно двигались во внутренний двор магазина. Им было не до нас, видать, какое-то дело намечалось.

Минуты через полторы остановились.

– Ну, что думаешь? – спросил я.

– Думаю, что ты ввязался в какое-то дерьмо, – произнес Филатов. – Не просто так этот хрен здесь торчит. Боюсь, наш план только что прекратил свое существование.

– А я вот чего думаю, наверняка этот Богдан торгует не только «резиновым изделием № 2». Может, еще гашиш какой-нибудь или барбитураты?

– А не слишком ли это круто, Леха? – Женька даже в лице поменялся, когда переварил мои слова. – Даже если и так, что делать? Слить милиции?

– Нельзя. Наверняка Богдан вообще не понимает, во что ввязался. Он получает за это деньги и не задумывается. Для него это так же нормально, как продавать джинсы и другие импортные шмотки.

– Ну и что делать? – Женька выглядел обескураженным.

– А вот сейчас и увидишь. Садись в машину и жди.

– Э-э, Леха! Ты чего задумал?

– Все нормально. Я просто посмотрю.

Прикинув в голове пару моментов, я направился обратно к магазину. Оба «бизнесмена» уже скрылись во внутреннем дворе. Наверняка там у них что-то вроде точки, скорее всего, и товар хранят тоже там.

А Пашенко, хотя и отморозок, но молодец – понимает, где деньги доставать. От отца хватку перенял, тот ведь где-то в Москве важной шишкой был... В девятнадцать лет встать на такой путь – очень смело и совершенно неправильно.

И тут не определишь, то ли Богдан сам где-то скупает и продает, то ли под Мишей ходит. Нашел себе крышу, вот и пропускает слова отца, считая, что у него все под контролем.

Пока я шел, плохо представлял, что меня ждет. Подошел к повороту, выглянул. Внутри двора были только сложенные друг на друга пустые ящики из-под бутылок, обрывки бумаги, несколько мусорных контейнеров. А в углу была обшарпанная дверь, которую я разглядел с трудом. В этот момент, она как раз приоткрылась и оттуда показалась чья-то спина. Судя по всему, оттуда что-то выносили, потому что человек двигался как-то слишком уж медленно. Я резко ускорился, направился к двери, даже практически на бег перешел.

Обладатель спины обернулся – это был Богдан.

Ухватив его за ворот куртки, я рывком дернул его на себя. Тот, ничего не понимая, охнул и рухнул на колени. Перешагнув его, я крикнул:

– Эй, выходи! Поговорим!

В темноте ничего не было видно, зато я отчетливо различил щелчок затворной рамы «Макарова». Не успел даже отреагировать, как раздался глухой выстрел. Но почему-то, только один.

Пуля попала мне в левое предплечье – обожгла острая боль.

Я вскрикнул. Отскочил обратно, нырнул за кучу пустых ящиков. Почувствовал, как вниз потекло что-то липкое и горячее. Болело, но по крайней мере, она была поверхностная.

Судя по ощущениям, ранением было пустяковым – пуля лишь содрала мне кожу.

Ничего не понимающий Богдан продолжал лежать на асфальте, уткнувшись мордой в решетку для очистки от грязи. Перепугался он не на шутку, точно.

– Ну-ка, отвалил! – раздался из темноты резкий, уже дрожащий голос Пащенко. – Я выхожу!

Наверное, это было адресовано мне. Хотя, вряд ли он понял, с кем имеет дело.

Несколько секунд на размышления и из помещения послышались торопливые шаги. Пащенко выскочил наружу, намереваясь использовать оружие. Надо же, этот отморозок, перешедший все мыслимые границы, серьезно готов убивать? В это было сложно поверить. Да и вообще, откуда у него пистолет? В гастрономе «ПМ» не купить.

Увидев меня за ящиками, Пащенко перекошило. То ли от удивления, то ли от ненависти. Сложно сказать.

– Савельев?! – вырвалось у него.

– Что, удивлен?! – произнес я, зажав рукой рану. На ладони было немного крови.

Я кое-как принял сидячую позу. Видимо, Миша осознал, что только что ранил меня. И теперь с этим что-то нужно было делать. Мозги у него уже набекрень, но думает быстро.

Не опуская пистолет, он неуверенно подошел ближе. Он хотел что-то сказать, но, видимо, слова застряли где-то в горле.

– Я не знал... – вырвалось у него. Увиденное ошеломило его – наверное, он и стрелять-то не собирался. Это, скорее, со страху. Наверное, ожидал встречи совсем не со мной.

– До чего же ты докатился! – горько усмехнулся я, стряхивая с руки кровь. – Уже в людей стреляешь?

– Миша? – послышался голос со стороны. – Объясни, кто это?!

Пащенко растерянно обернулся к поднявшемуся с асфальта Богдану, потеряв меня из виду. И тут я среагировал.

Вскочив и ловко поднырнув под его руки, я оттолкнул пистолет. Выстрела не последовало – может, у него и патронов-то больше не было. Изловчился, ударил его в пах – чтобы наверняка. Прием, может, и не самый честный, зато работает наверняка. Я с ним бои без правил устраивать не собираюсь, не на того учился. К тому же этот черт вооружен и хрен его знает, в какое полушарие мозга моча ударит на этот раз.

Миша взвыл от боли, потеряв равновесие, откинулся назад. Левая нога попала в пустой фанерный ящик, проломив его. Он зацепился плечом об стену из ящиков, часть из которых посыпалась вниз. Оппонент смотрел прямо перед собой, бешено вращая глазами. Я тут же шагнул за ним и размахнувшись, со всей силы дал ему в морду. Клацнули зубы.

Пащенко отлетел спиной на ящики, затем сполз на асфальт, по глазам было видно – почти ничего не соображает. А меня накрыл приступ злости, с которым я справился с большим трудом.

– Ты что же, придурок, – процедил я ему в лицо, – совсем рехнулся?!

Встряхнул его, хотел ударить еще раз, но вовремя понял, что это было лишним.

Все, пациент в нокауте.

Затем я выпрямился и отошел в сторону. Аккуратно подобрал его «Макаров» с земли, отщелкнул магазин – пусто. Не было у него патронов, и он об этом знал. Но зачем тогда стрелял?

Пистолет был старый, сильно потертый. Рама вся в царапинах, с одной стороны рукоятки кусок декоративного покрытия треснут, винт был сбит. Очевидно, что и надежным назвать оружие можно только с большой натяжкой.

Затворная рама была разболтана, отодвинул ее чуть ли не двумя пальцами. Оказалось, что был еще один патрон в стволе – его безнадежно заклинило.

Я быстро стер с пистолета следы, затем сунул рукоять в ладонь бесчувственного противника. Теперь на ней должны были остаться только пальчики самого Миши.

Думаю, с ним все – минут двадцать будет в себя приходить. Но и оставлять его так было нельзя. Несмотря на то, что молодой вообще без тормозов. В этом я уже убедился.

– Т-ты... Кто ты такой? – Богдан стоял на прежнем месте, с ужасом глядя на эту картину. Лицо бледное, руки трясутся. Да что там руки, его всего трясло. Где та дерзость и заносчивость, с какой он говорил с отцом?!

Рядом валяется картонный коробок, из которого высыпались какие-то опилки и упаковки с контрацептивами. Вот, значит, как он их хранил. Пожалуй, это самый подходящий момент, чтобы тот сам осознал, во что влез.

В голове промелькнула любопытная мысль, одновременно вспомнил популярный в начале двухтысячных российский сериал «Бригада».

Решительно направился к отпрыску майора Прудникова, снова ухватил его за воротник и хмуρο процедил:

– Если еще планируешь продавать резину, то теперь ты работаешь на Сашу Белого! Ты понял?

– Я не... Я не буду. Больше не буду, – тот энергично замотал головой.

– Да ладно?! Умное решение! – похвалил я, затем указал на лежащего в куче ящиков растрепанного Пашенко с разбитой губой. – А от этого держись подальше, он преступник, тебя за собой потащит.

Тот быстро и часто закивал.

Я отпустил его, поднял воротник своей куртки повыше, натянул шапку на лоб. Уже собирался отойти, размышляя над тем, как быть с Пашенко, но тут... Неожиданно, справа раздался грохот. Открылась еще одна дверь, которую я ранее не заметил. Оттуда вывалилась пара небритых грузчиков в возрасте, с ящиками в руках. Увидев нас, они оба остолбенели.

– А чего это тут такое?..

– Вызовите милицию! – громко крикнул я. – Ограбление!

Оба стояли в нерешительности.

– Ну!.. – рявкнул я.

Оба бросили ящики и устремились обратно в помещение. А я, не став терять время, бросился к выходу из внутреннего двора.

Конечно, оставалась угроза, что Богдан меня запомнит... Только вот я не сделал ничего плохого. Стреляли ведь в меня, а я просто защищался. Грубо говоря – это была самооборона.

Если Миша не будет подавать жалобу, а он не будет – его со стволом милиция возьмет, меня даже искать никто не будет. Думаю, Богдан и сам уже понял, что ввязался туда, куда ему не нужно, а потому и сторону Пашенко не примет.

Ускоренным шагом вернулся к «Москвичу» Женьки Филатова, открыл дверь и сел в машину, только не на переднее, а на заднее сиденье.

– Леха, ты чего так долго? – Женька так и взвился. – Что там было? У тебя что, кровь?

– Ага. Эта гнида в меня стреляла из пистолета, – проворчал я, стягивая куртку. Хотел проверить рану.

– Ни фиги себе! Тебе в больницу нужно!

– Не надо. Ерунда.

Рана действительно оказалась пустяковой – пуля прошла по касательной, разорвав несколько сантиметров верхнего слоя кожи. Крови было прилично, но уже ничего не текло.

– Аптечка есть? – спросил я.

– Конечно. Держи, – Женька смотрел на меня осуждающим взглядом.

Еще дважды предлагал отвезти меня в поликлинику, бурчал и ругался.

– Ну, вот скажи, зачем ты туда сам полез?

– А нужно было тебя с тобой брать? – возразил я, разрывая зубами упаковку с бинтом. – Откуда же я знал, что этот дурень вооружен огнестрельным оружием?! Так у него еще хватило ума им воспользоваться. Я до сих пор не могу поверить, что он в меня стрелял.

– Этот Пащенко – настоящий преступник! А если бы он не в руку, а в живот попал или в голову?

– Тогда бы я здесь не сидел.

– Ты вообще, зачем туда шел?

– Поговорить. Припугнуть, – ответил я. – Хотя точного плана у меня не было.

Всего за несколько минут я быстро наложил повязку. Опыт у меня был – разумеется, из прошлой жизни. И хотя медик из меня так себе, оказывать первую помощь я умел. Все военные умеют, хотя тут спорный момент. Много раз слышал и в госпиталях видел, что не всем это дано. Особенно молодые лейтенанты – от вида крови падают в ступор. На личном опыте убеждался уже...

– Так что теперь? – спросил Женька. – Как теперь задачу решать?

– Она уже решена, – улыбнулся я. – Сын комбата лично увидел, во что влез. А я намекнул, что если продолжит заниматься нелегальной продажей, то его ждет та же судьба, что и самого Пащенко. По глазам было видно – парень понятливый.

– Да? Ну и отлично!

Минут через пять к зданию магазина подъехал традиционный желтый УАЗ с синей полосой и надписью «Милиция». Оттуда выскочили трое сотрудников и придерживая шапки, бегом бросились к зданию. Их встретил один из тех грузчиков, начал махать руками. Они скрылись за углом.

Через несколько минут прибыла еще и скорая помощь – она-то здесь для чего? Я там ненароком Мишу не пришиб?!

К счастью – нет.

Пащенко вывели из внутреннего двора. Он шел сам, морда в крови, а на руках наручники. Вывели и Богдана.

– Все, нечего здесь больше делать! – хмыкнул я. – Поехали, а?

Женька молча кивнул. Действительно, смотреть здесь было больше не на что.

Мы покатались с Филатовым еще минут десять, затем попрощались, и я отправился к Юльке. На часах было почти час дня.

Забегал по пути в кондитерскую, взял пирожные к чаю. На цветы денег у меня уже не было, да и Юлия дала понять, что незачем переводить их на то, что через неделю придется выкидывать. Я, конечно, скептически отнесся к этому заявлению – все женщины любят цветы. Ну, за редким исключением...

Вошел в подъезд, поднялся. Постучал.

Дверь открыла Юлия.

Видимо, ее отец сдержал обещание, ничего ей про мой звонок не сказал.

– Ой, Леша! – обрадовалась она.

– Привет, Юль. Сюрприз! – я торжественно вручил ей пирожные.

– Ой, спасибо. Входи, входи. Чего ты там встал?!

Я вошел внутрь, разулся. Меня тут же облаяла черно-рыжая бестия Баффи – ей, видимо, давно хотелось на кого-нибудь погавкать. Меня-то она знала, а лаяла потому, что внимания не хватало.

Кроссовки сразу же отправились в шкафчик для обуви – мохнатая уже сунула нос, намекаясь что-нибудь погрызть.

– Здорова, ефрейтор! – гаркнул знакомый голос из-за спины девушки.

– Здравия, товарищ подполковник! – отозвался я, глядя на офицера в домашней одежде. Спортивные штаны, какая-то бесформенная футболка и домашние тапки смотрелись на подтянутой фигуре даже как-то нелепо.

– Ну, заходи! Дай хоть посмотреть на тебя... Так, а что за кровь?

Вот черт, внимательности ему не занимать. Видимо, как-то на куртке остались.

Не хотел рассказывать все при Юле, тем более и тема была неприятная. Если бы отец узнал, что к его дочери кто-то пристает... Ох, не завидую я ему!

В общем, пришлось спешно придумывать менее страшную историю, где я геройски вытащил запутавшуюся в колючей проволоке собаку. А кровь от рваной раны на предплечье.

– Показывай! – скомандовал подполковник, тоном, не терпящим возражения.

Пришлось раздеваться и показывать.

Ну, естественно, хоть первую помощь я себе и оказал, а подсохшие следы крови остались. Вытирать их в машине было неудобно, да и нечем.

Сергей сразу понял, что я ему лапшу на уши вешаю, но тактично интересоваться не стал. И это правильно – Юльке, что бы там ни произошло, знать необязательно.

– Ого, Леша! Да ты герой! – восхитилась Юля, искренне поверив, что я спаситель собак. – А она чья-то была или бродячая?

– Без ошейника, значит, ничья.

– Алексей, голодный? – спросил подполковник.

– Честно говоря, не отказался бы что-нибудь употребить, – признался, одновременно чувствуя доносившийся с кухни запах жареной курицы.

– Так вот чего тебя на готовку сегодня понесло! – догадалась Юля, взглянув на отца с подозрением. – А я-то думаю... Ты знал, что Леша в городе?

– Разведка доложила. А я секретную информацию не разглашаю, – отшутился Кошкин. – Так, мыть руки и к столу!

Через несколько минут мы уже сидели за обеденным столом.

Картошечка с салом, ароматная курочка и квашеная капуста – все было просто восхитительно. Сергей предложил выпить вина, но я отказался, а тот настаивать не стал. Понимал, что мне сегодня обратно на службу возвращаться.

Мы кушали, болтали обо всем.

– Спасибо тебе, Алексей, за то, что доставил подарок от Чайкина, – поблагодарил Сергей. – Честно говоря, я даже не знал, что он совсем рядом. Тут до Овруча около сотни километров.

– А откуда вы его знаете?

– Да случайно, судьба свела. Прямо под Кандагаром на одной базе больше трех месяцев были. Летали часто. Даже сбили нас один раз, выбирались тоже вместе. Весь экипаж выжил.

– Ого, пап. А ты ничего не рассказывал про службу в Афганистане, – удивилась Юля.

– Да потому что ничего хорошего там не было. На войне вообще редко что-то хорошее случается. Стараюсь не вспоминать, сколько друзей там потерял.

– Ну да, согласна, – Юля сразу же переключилась на меня. – Леша, а ты что, сегодня тоже в увольнении?

– Да, только уже не в обычном, а в служебном.

– Разве такие бывают?

– Как выяснилось, да. Но мне так даже лучше – сидеть в палатке и в потолок смотреть? Нет уж, спасибо. Я задачу выполнил, поэтому до семи вечера свободен. Думаю, что смогу тебя даже на поезд посадить. Мне там со станции Янов до гарнизона десять минут ходу.

– Это же просто замечательно.

Мы еще немного поболтали, доели. Выпили чая с пирожными.

Затем отец Юли отошел покурить.

– Леша, можно тебя?

– Конечно.

Прикрыв дверь, он не стал ходить вокруг да около и спросил.

– Леша, в какую историю ты влип? Только давай без фантастических историй!

Пришлось все ему рассказать, скрыв тот факт, что Миша приставал к Юле.

– Любопытно. Хорошо, что все закончилось так. Но лично мое мнение, ты вообще о чем думал, когда шел разбираться с ними?

– А что мне нужно было сделать? Время поджимало. Не вернусь же я к комбату с отговорками?!

– Тут ты тоже прав. Вернешься в часть, расскажи ему все как есть. Тебе это большой плюс. Думаю, больше он к тебе с просьбами личного характера обращаться не будет. Он сам себя подставляет.

Разумеется, я все это понимал.

Вернувшись с балкона, мы с Юлей начали смотреть фильм про «Шурика», который я видел уже сотню раз. И все равно, каждый раз смотрел его так, будто впервые. Время летело и вскоре часы пробили четыре.

Пришлось собираться. Юля свою сумку собрала еще с утра, поэтому на это ушло совсем немного времени. Мой отец обещал отвезти нас на железнодорожную станцию, только мне еще нужно было переодеться. Поэтому в прогулочном темпе отправились ко мне.

Мама уже наготовила кучу вкусностей, старательно упаковав в сумку.

– И даже не думай возражать! – заявила она. – Это возьмешь с собой!

– Мам!

– Это приказ! – улыбнулась она.

Я быстро переоделся.

– Ух ты, первый раз вижу тебя в военной форме! – восхитилась Юля.

– Ну и как?

– Тебе идет. Но вот звезды на погонах смотрелись бы еще лучше.

– Вот закончу срочную службу, отучусь и будут звезды, – ответил я, немного засомневавшись в перспективах дальнейшей военной службы. Все больше у меня возникало желание, что вновь идти по этому пути не стоит.

Затем мы попрощались, спустились вниз. Загрузились в машину, выехали. Добрались до железнодорожной станции минут за двадцать.

Быстро взяли ей билет. Подождали поезд. Мой отец попрощался и поехал обратно – ему еще к двенадцати нужно было ехать на станцию.

– Спасибо, за то, что провел со мной время! – Юля прижалась ко мне. – Мне тебя очень не хватает.

– Мне тоже. Только, как я и говорил, теперь мы будем видеться чаще. Гораздо чаще, – успокоил ее я.

– А вдруг тебя снова куда-нибудь переведут?

– Не переведут. Я в строительном батальоне провел только неделю. Кому я нужен?

– Чего ты смеешься? Я серьезно, Леша.

– Юля, не переведут. Я командованию здесь нужен.

– Ладно. Надеюсь, не обманываешь?

– Честное пионерское.

Мы поцеловались. До самого прихода поезда мы стояли на перроне, вцепившись друг в друга.

Затем попрощались. Я посадил ее на поезд.

Прозвучал гудок, поезд тронулся.

Некоторое время я еще стоял на пустой платформе, затем направился к главному зданию.

– Эй, герой-любовник! – раздался недовольный голос.

Я резко обернулся и увидел прапорщика Кулагина. Позади него стоял темно-зеленый УАЗ.

– Ну, я долго тебя ждать буду? – возмутился он. – Живо сюда! Торчу тут уже десять минут.

– Есть! – я быстрым шагом направился к нему. Запрыгнул на переднее сиденье. – Здравия желаю, товарищ прапорщик!

– И тебе не хворать! – пробурчал тот, выезжая с территории вокзала.

Разговор с ним по поводу Лидочки я заводить не стал – да и он почему-то не спрашивал. Это было даже странно.

Ехали молча.

По приезде я сразу отправился в палатку к комбату. Все-таки моя увольнительная в город – исключительно его инициатива. Он наверняка ждал отчета о выполнении поручения.

– Товарищ майор, разрешите войти? – не дожидаясь разрешения, вошел внутрь. Комбат говорил с кем-то по телефону.

Заметив меня, он коротко кивнул. Еще что-то произнес в трубку и положил ее обратно на корпус аппарата.

– Ну? Рассказывай! – он неторопливо двинулся ко мне навстречу. Вид у него был мрачноватый, что показалось мне странным.

– В общем, операция прошла успешно, товарищ майор... – бодро начал я.

Вдруг снова зазвонил телефон. Недовольный Прудников поднял трубку.

– Да? – произнес офицер, затем нахмурился. – Что? Кого нужно?

Повисла продолжительная пауза.

– Виноват, – его лицо вдруг побледнело. – Есть. Даю.

Комбат с перекошенным лицом протянул мне телефонную трубку.

– Это тебя! – мрачно произнес он, вытирая выступившие на лбу капли пота...

Глава 4

– Кто это? – я не торопился подходить к телефону, просто стоял и смотрел на Прудникова изумленными глазами.

– Бери! – спустя несколько секунд, произнес комбат. Вид у него был странный, раздраженный и испуганный одновременно. Интересно, что же ему такое сказали с той стороны?

Я неуверенно шагнул вперед, взял протянутую мне трубку и прислонил ее к уху.

– Да?!

– Привет, Алексей, – донеслось оттуда. – Это Андрей... Узнал?

Конечно же я узнал знакомый голос немногословного чекиста, знакомого Павла Сергеевича. Честно говоря, даже соскучился по нему, меня периодически посещала мысль, что эти люди обо мне забыли.

– Узнал, – медленно ответил я. – Даже рад вас слышать. Приятно понимать, что о тебе еще помнят.

– Алексей! О тебе никто не забывал! Кстати, я наслышан о твоих подвигах на «Юпитере», вижу, что ты снова выступаешь в роли магнита для неприятностей? Ей-богу, там, где ты, постоянно что-то происходит. Мы еще не все проблемы на Овруче разгребли, так ты еще и тут засветился?!

– Случайно получилось.

– Случайностей не бывает, – вздохнул Андрей. – Ты, конечно, парень неглупый, наблюдательный. В сложной обстановке действуешь правильно и решительно. Думаешь, я просто так запахнул тебя именно в Припять?

– Не знаю. Вам виднее. Только мне интересно, что вам доложили про завод «Юпитер»?

– Работа у комитета такая – все знать и никому ничего не рассказывать, – чекист ответил так, что можно трактовать по-разному. В любом случае, прямого ответа от него можно и не ждать. – Кстати, ничего не хочешь мне рассказать?

– Есть кое-что, – немного подумав, ответил я. – Только это не по телефону.

– Даже так? Хорошо, пришлю к тебе Пономарева, все ему расскажешь...

– А напрямую с вами встретиться нельзя? – заявил я, озвучив то, что давно хотел сказать. Еще пока и сам не осознал, для чего мне вдруг понадобилась личная встреча с Андреем.

– Со мной? – по стальному голосу я даже понять не смог, удивился он или нет. – Я надеюсь, Алексей, ты понимаешь, что причина для этого должна быть действительно очень серьезная?

– Думаю, да, – мне и вправду было, что ему рассказать. К тому же я собирался сам сделать вброс кое-какой информации по поводу АЭС.

– Хорошо, – голос у Андрея не изменился, однако он на секунду задумался. – Я буду в Припяти в четверг.

А затем представитель КГБ отключился.

Я же, подержав пластиковую телефонную трубку возле уха еще несколько секунд, вздохнул и положил ее на стол. Поднял глаза на Прудникова.

– Поясни-ка, Савельев, что это сейчас было? – нахмурился тот, глядя на меня как бык на красную тряпку. – Кто ты такой?

– А что тут пояснять, товарищ майор? – тяжело вздохнул я, затем продолжил. – Это был человек, который отдал распоряжение вашему начальнику штаба. Один из старших офицеров из госбезопасности, о котором я совершенно ничего не знаю. А я – так... Сам не знаю, что на это ответить.

Хотя комбат и старался не подавать виду, получилось у него плохо. Он сел за свой стол, уставился на меня с удивлением.

– погоди, я правильно понял?! Ты имеешь отношение к комитету государственной безопасности?

– Я – нет. А вот те люди, которые прислали меня сюда, да. Самое непосредственное.

Можно понять, что чувствовал сейчас майор. Сидел и честно выполнял свою работу, его личный состав точно и в срок ремонтирует объекты, и тут, не пойми откуда, ему на голову падаю я. И ладно бы только это, за мной тянется хвост, который так или иначе замыкается на связи с КГБ. А кому оно надо?

– И для чего ты здесь на самом деле?! Я ведь еще тогда, в нашу первую встречу понял, что тебя ко мне запихнули не просто так.

– Я не знаю, что вам ответить, – честно ответил я.

– Ясно, – вздохнул он, мгновенно потеряв ко мне интерес. Однако вспомнив про индивидуальную задачу, спросил: – Что по поводу Богдана?

– Проблема решена, – спокойно ответил я. – Мирным, хотя и дерзким путем. Ваш сын лично убедился, что путь, на который он хотел встать, больше не в его интересах.

– Это как?

– Очень просто. Наглядно показал, к чему это приведет.

Майор смотрел на меня как на инопланетянина и ничего не понимал.

– Я думаю, он скоро сам вам расскажет! – пояснил я, затем добавил: – Разрешите вопрос?

– Ну?

– У вас по поводу меня никто не интересовался? Ну, там... Какой-нибудь звонок странный?

– Странные вопросы ты задаешь, ефрейтор Савельев! – нахмурился комбат. – И мне это не нравится.

– Виноват, товарищ майор. – быстро сориентировался я, затем добавил: – Разрешите идти?

– Иди, Савельев! – Прудников принялся перекладывать стопки документов на своем столе. – Иди!

– Есть!

Я развернулся и вышел из палатки комбата, затем отправился к себе.

Но не дошел. Примерно на половине пути мне снова встретился прапорщик Кулагин. Судя по всему, за то время, пока я был у комбата, тот уже успел накапать что-то крепкое – выглядел он довольным и расслабленным.

– Ефрейтор, подожди, – весело крикнул он. – Подойди, дело есть.

Вздохнув, отправился к нему. Сейчас еще чем-нибудь озадачит – прапорщики они такие.

– Если это по поводу Лидочки, то я пас... – начал я, но тот прервал меня, не дав договорить.

– Я эту заразу распутную даже видеть не хочу, – мрачно процедил он, махнув рукой куда-то в сторону. – Мне Жмыхайло все рассказал. Сосед он мой, по подъезду.

– Ого, а что он вам рассказал? – такое развитие обстоятельств меня удивило.

– Что? Вообще-то, это не твое дело, Савельев, но так как ты молодой пацан еще, то глядишь, вдруг когда-нибудь в жизни пригодится, – немного подумав, спокойно ответил прапорщик. – Эта позорная женщина прямо в магазине с клиентом... И наверное, не с одним так. А сосед мой тот, что из комендатуры, все видел. Он хоть и сам скотина порядочная, но я ему верю. Все мне и рассказал.

– Неожиданно, – я еле сдержал улыбку.

– Вот так вот. Ты ей подарки, внимание, а она по чужим койкам прыгает. Да что там, койка... Прямо в магазине. Хорошо хоть додумалась дверь за собой закрыть.

– Жаль, что так получилось, – произнес я, про себя отметив находчивость офицера. Ловко он все обставил и сам сухим из воды вышел, и соседу помог. А тот факт, что я его там видел, он как-то упустил из виду. Ну да ладно, у нас с ним вроде как договор.

– Вот такие они женщины бывают. Смотри, Савельев! Когда жену будешь подыскивать, присматривайся заранее и повнимательнее. Уж поверь, я с подобным не первый раз в жизни сталкиваюсь.

Ну, психолог, блин... А сам-то чем отличается? Чужих жен уводить, влезать в чьи-то отношения не гнушается, зато других осуждает. Фингал недавно у кого был? Сам точно такой же, только без юбки. Нет, такой тип людей неисправим, они всегда есть и будут.

– Ладно, это все уже неважно, – плохое настроение Кулагина как рукой сняло. – Я тебя зачем позвал-то... У меня тут важное обстоятельство. Скоро уход на пенсию намечается, в начале-середине апреля. Думаю, холодов уже не будет, поэтому решил я баньку в Копачах построить. Я же сам, считай, местный. Брат у меня там младший живет.

– Так... – протянул я, еще не понимая, о чем речь.

– В общем, дело, как бы добровольное... – замялся Кулагин, осмотревшись по сторонам. – Хочу взять с нашего батальона человек шесть ребят покрепче, ну чтобы баньку быстрее и добротнее построить. Вот, думаю, тебя тоже у комбата отпросить. Ты хоть человек здесь и новый, но уже успел себя зарекомендовать с хорошей стороны. Что скажешь?

– Э-э, да так с ходу и не решить, – замялся я. Это обстоятельство стало для меня неожиданным.

– Ты не переживай! – ответил он, многозначительно подмигивая. – Накормлю, одежду рабочую дам. Где поспать организуем, с этим тоже проблем не будет. Ну сам подумай, чего вам тут сидеть? А чтобы согреться-то, Сашка, брат мой младший, самогон такой гонит, что закачаешься! Ну?

– Я согласен, товарищ прапорщик, – улыбнулся я, сделав свои выводы на этот счет. – Только вот не знаю, отпустит ли комбат?

– Отпустит, уж я с ним общий язык найду. – подвыпивший Кулагин был на сто процентов уверен, что перед ним все двери открыты. – Он мужик понимающий, сам же потом ко мне в баньку в числе первых пойдет.

Ну да, в свете последних событий, даже не знаю, как теперь меня Прудников жаловать будет. К тому же приезд Андрея тоже может внести свои коррективы. Но я решил не расстраивать Кулагина, все-таки, несмотря на любвеобильность, сам он человек был хороший. По крайней мере, пока плохого о нем сказать было нечего.

– Вот спасибо тебе, Савельев! – обрадовался он. – Тебя, кстати, как звать?

– Алексей.

– А я Петр. Петр Николаевич. Значит, по рукам? Как все будет готово, я вас заберу к себе, на недельку. Ну а там, как построим, эх! И поработаем и отдохнем.

Я промолчал, лишь улыбнулся.

– Торопишься? – спросил он, догадавшись, что я еще не ужинал.

– Да не особо.

– Понимаю, Савельев. Ладно, не задерживаю.

Я кивнул и быстрым шагом отправился в свою палатку.

Все дембеля были уже там и, кажется, меня ждали. Едва я вошел, в мою сторону повернулись шесть пар глаз.

– О, вот и свободный человек явился! – с каким-то ехидством воскликнул Серега. – Ну, что? Нагулялся?

– Да если бы... – угрюмо фыркнул я. – Комбат со своими задачами совсем офонарел. Дембеля переглянулись. Они ждали другого ответа?!

– А нам Ракицкий другое рассказал, – выдержав паузу, с вызовом произнес Артур, глядя на меня с подозрением. – Они ж тебя вчера возле гостиницы высадили?

– Было дело, – кивнул я, раздеваясь. Делал вид, будто ничего не понимаю. Так-то я сразу сообразил, что они попросту на меня обозлились. Им до дома меньше сотки осталось, а вместо увольнения в город они бока в палатке мнут. Зато я целых два дня гулял, да и ночевал не в лагере. Неправильно это как-то. К тому же, та наспех придуманная мной байка про военную контрразведку и спецзадание, наверняка уже свое отыграла – они же тоже не дураки. – С утра нужно было к одним людям из управления зайти. Так какой смысл мне было ехать в гарнизон, чтобы утром снова тащиться в город? Это сколько времени впустую?! Вот Прудников и отпустил меня домой. Честно говоря, я сам не ожидал такого... Вы ж помните, что я тут по особой задаче?!

– Помним, помним, – многозначительно закивал Серега, переглянувшись с Виктором. – А дома-то хорошо, наверное? Домашний борщ, котлеты. Пирожки с капустой, эх... Или ты не дома был?

– Ладно! – шумно выдохнул я, затем подошел к ним ближе. – Я же все понимаю, как это со стороны выглядит. Я гуляю, вы вкальваете. Вам уже по статусу не положено, а я, по сути, еще даже не черпак. Парни, у меня действительно задача была такая, что ну ее на хрен. Врагу не пожелаешь.

– Ну да! – фыркнул Артур. – Вагоны, что ли, разгружал?

– Нет, не вагоны.

Я вздохнул, снял верх нательного белья и показал остальным перемотанную бинтом руку. Кое-где кровь проступила, в одном месте на коже даже остались засохшие красные пятна.

– Это что такое? – насторожился армянин, приподнявшись с кровати.

– Урод один из «Макарова» почти в упор стрелял. Хорошо хоть пуля по касательной прошла, иначе я и сегодня в гарнизон не вернулся бы, – процедил я, поправляя повязку под бинтом. Хотя и обработал я как надо, но все равно болело. Хорошо бы уже и повязку сменить. Только нужно что-то придумать, иначе санинструктор сообразит, что рана-то не простая и доложит, куда не нужно.

– Да ну на хрен! – лицо Сереги перекошило, когда он подошел ближе. – Что, серьезно? Огнестрельная рана?

– Серьезнее некуда, – демонстративно вздохнул я, безбожно коверкая произошедшую историю с нейтрализацией Пашенко. Прием, может, и нечестный, зато его можно использовать в сложившейся обстановке. – Наши парни из контрразведки брали опасного военного контрабандиста, Мишка Пингвин... Противогазы продавал нелегально, причем большими партиями. Застали его врасплох, а тот вооружен оказался. Вот я случайно и подставился.

Мишка Пингвин... Эх, насмотрелся я в прошлой жизни советских детективов в послевоенное время. Даже самому смешно стало, но я сдержался. Резина-то в моей истории тоже была, только совсем другая и предназначалась для иных целей. Но с демонстрацией раны все это выглядело очень правдоподобно.

– Да-а, Леха! – задумчиво протянул Артур, потирая лоб. – А мы тут, со скуки, уже решили, что ты нам лапшу на уши повесил... Думали всякое там. Гуляешь сейчас с девчонками, в кафе их водишь. Мы ж в субботу на «Юпитере» работали, а ты в Припяти был. И ночью тебя не было, сам понимаешь... А оно вот что на самом деле получается.

– Да ладно, проехали. Я ведь о вас тоже не забыл. Ну-ка, подъем! Хватит слюни глотать! – усмехнулся я, затем поднял сумку, что мне мама с дома собрала, и начал выкладывать содержимое на кровать. – Голодные есть?

Дембеля снова переглянулись.

– Голодных здесь полная палатка, – Артур как-то хитро улыбнулся. – Сережа, осталось?

– А то! – у толстяка даже глаза заблестели.

– Это вы о чем? – напрягся я.

– Да мы тут, пока на контрольно-пропускном стояли, с одним дедом местным разговорились. Тут же дворов в округе хватает. В общем, дед оказался интересным, хотя и алкашом по совместительству. Он на пару банок тушенки нам вот что притащил.

Дембель продемонстрировал стандартную бутылку из-под «Столичной», только без узнаваемой этикетки. Примерно на уровне половины там плескалась бледно-розовая жидкость.

– Что это? – насторожился я.

– Наливочка. Брусничная. Вещь!

Непонятно откуда нарисовались алюминиевые кружки, большая газета, нож и пара вилок. А из сумки показались завернутые в целлофан котлеты из курицы, пирожки, бутерброды, вареная колбаса, нарезанная тонкими кругляшами, хлеб, чеснок и сало. Про себя я отметил, что здесь не было ничего лишнего, вроде картофельного пюре или борща в банке. Еще внутри обнаружили булочки, печенье и консервная банка с сардинами. Последняя, кстати, меня даже удивила. Наверняка попала сюда случайно.

– Вот это Леха порадовал нас! Ну, спасибо!

– Предлагаю тост! – тут же сориентировался Артур. – За Леху! Чтоб ему больше таких пингвинов с пистолетами не попадалось!

Я усмехнулся, остальные расценили это по-своему.

– Эй, ты же армянин, где твои тосты, которые можно по десять минут рассказывать? – поинтересовался Виктор.

– Тьфу ты, темень. Так то ж в Грузии тосты! К тому же я с детства в Керчи живу.

Мы быстро разлили содержимое бутылки по кружкам – получилось едва ли с четверть, но и то хорошо. Вообще, я пить не собирался, но тут отказаться, значит – обидеть. У меня и так с ними отношения шаткие. Вроде живем вместе, а все равно косятся.

Я их не виню. Прекрасно понимаю, но по-другому никак.

В общем, тост несколько раз переделали, но так до ума и не довели. Выпили за меня.

– Эй, а к кому-нибудь Кулагин подходит уже? – спросил я, вспомнив о его предложении.

– Подходил, – засмеялись сержанты. – И тебе, наверное, предлагал помочь ему баню строить?

– Ну да. Пока в палатку шел, застал его. Он и предложил. Сказал, что шесть человек ему нужно. В конце марта, начале апреля.

– Ага, ты его больше слушай. Он ее уже полгода собирается строить. Сначала ему десять человек нужно было, потом восемь, теперь вот шесть. А из чего строить баню собирается, он не сказал?

– Нет, – честно ответил я.

– С завода нашего. Он бревна и брус оттуда таскает. И гвозди.

– Так вот где он пропадает, пока мы работаем! – догадался я. – Вот же хитрая старая мышь!

– Это еще что... Он уже всем офицерам рассказывает, кого позовет, а кого нет. Поговорка даже есть – не дели шкуру неубитого медведя! Вот здесь она как раз к месту. Еще ничего не построил, а уже народ собирает. Ну, Кулагин!

Все дружно заржали.

Так, похоже, строительство бани откладывается на неопределенный срок... А я-то уже губу раскатал!

* * *

А на следующее утро мы снова отправились на «Юпитер».

Полы сами себя не сделают, тем более, что объектов много, а нас мало. За прошедшую неделю, мы полностью только одно помещение закончили. Из шестнадцати. И то, самое маленькое.

Конечно, работник из меня так себе. Но зато я воочию увидел, как все это делается поэтапно. Процесс нудный и однообразный, зато когда все готово – глаза радуются. Раньше такого за собой не наблюдал.

В одном из заводских цехов отыскался даже профессиональный строитель, списанный за плохое поведение. Пока не было работы, некоторые гражданские считали своим долгом подойти и рассказать нам какую-нибудь историю или анекдот.

Вот среди них и нарисовался особо упрямый и дотошный.

– Эх вы, строители, блин! Все криво, косо. А щели кому? Краски не жалей, она все равно казенная! – вещал Сергей Федорович, которого в цеху номер три за глаза называли «Кулибиным». – Вот я в семьдесят пятом году был на заливке фундамента этой, как ее... Атомной станции нашей! Так там строго было, по стандарту государственному. Как указано на бумаге, так мы и делали. Вот время было!

– Да вы его больше слушайте! – усмехнулся один из его напарников, случайно услышавший знакомый голос. – Он вам сейчас сказок столько расскажет. Кто б тебя на АЭС взял? Ты ж выпить любишь...

– Ничего ты обо мне Пашка не знаешь, – тяжело вздохнул рабочий. – А я тогда бригадиром был. Специально из Ворошиловграда приехал, вместе с семьей. Говорили, что платить будут много, квартиру дадут.

– Ну и как, дали?

– Не дали, – вздохнул Федорович. – Так я и никого не виню, я сам виноват, пить начал. Вот и выгнали.

Когда он тему с ЧАЭС затронул, я тут же уши наострил. Одновременно заметил, что остальных наших ребят его истории не особо-то и интересуют, поэтому дождался, пока тот отойдет покурить. Последовал за ним.

– Сергей Федорович, так это что получается, ты в строительстве первого энергоблока участвовал? – громко, с демонстративным удивлением поинтересовался я. – На Чернобыльской АЭС?

– Ну! – гордо произнес он. – Я ж говорю, в семьдесят пятом, самая первая, эта... Как ее там? Очередь! Вот, точно, очередь.

– И ты бетонщиком был? – уточнил я.

– Обижаешь, малой. Бригадиром я был, закладывали фундамент. У меня бригада была в сорок человек. Все свое дело знали, работали на результат. Сто тыщ кубометров бетона! Во как!

Ну, по поводу цифр он, конечно, загнул, но видно было, что в основном говорит правду.

– Интересно, наверное, было строить такой большой объект? – спросил я.

– Еще спрашиваешь! Конечно! Это же атомная электростанция! Не сарай какой-нибудь...

– Дядь Сереж, а расскажи... – я живо смекнул, что через него можно кое-что по своей теме разведать. – Бетон для таких объектов надежный был?

– Не понял, что значит надежный? – нахмурился тот, выпуская клуб дыма.

– Ну, вдруг землетрясение там какое-нибудь... – мне приходилось задавать вопросы напрямую, как есть. – Выдержит?

Тот внимательно на меня посмотрел, засмеялся.

– Инженеры рассчитывали, мы строили. Я так скажу, все по высшему разряду было. Цемент лучшей марки, строгое соотношение качества. Все на стяжках металлических. Арматура высшей пробы, оцинкованная даже. Да там металла столько было использовано, сколько

ты за всю жизнь не видел. Нет, никакие землетрясения для фундамента станции не страшны. Максимум штукатурка осыплется и то, это как же шатать должно?! Сроду в этих землях землетрясений не было и не будет.

– То есть, все надежно?

– Надежно! Ты, что ли, боишься? – усмехнулся Сергей Федорович. – Напрасно. Станция эта, которая Чернобыльская... Ну, первый блок, еще сто лет точно простоит. Работать, может, и не будет уже, а стоять – да. Как этот, памятник. Не зря же ей имя дали от Владимира Ильича Ленина! А знаешь почему стоять будет?

– Потому, что вы строили? – догадался я.

– Правильно!

Ох, если бы этот сказочник знал, как же он был близок к истине. Работать сто лет она точно не будет. Точнее, в этом времени пока все нормально, а вот в моей прошлой жизни, от ЧАЭС только и останется, что огромный, печально известный на весь мир железобетонный памятник. Станция ведь окончательно прекратила вырабатывать электричество еще в декабре двухтысячного года, проработав только тридцать три года.

– А на остальных блоках как? – снова поинтересовался я.

– А вот там плохо. Меня когда выгнали, ну, за пьянство, другого взяли на мое место. Так тот, неопытный, но самовольный, всю технологию бетона по-своему перестроил. Ты знаешь, что для некоторых помещений пришлось часть уже заложенного сносить? Нет? Ну, вот теперь знаешь.

Наша беседа шла прямо во время работы, людей достаточно. Но на нас никто не обращал внимания. Вот часть из наших и решила передохнуть. Как раз скоро обед.

– А я слышал, что когда четвертый строили, вообще про все установленные ГОСТы забыли, – осторожно произнес я, следя за реакцией. – Это так?

– Да, знаю, – тот раздосадованно махнул рукой. – Ироды. Разве ж так можно? У меня знакомый был, говорит, еще сам реактор не запустили, так уже повсюду бетон крошился и сыпался. Говорили, что из-за того, что сроки все слетели, делали абы как... То металл не тот, то плита не из того цемента. А трубы были не рассчитаны на нужное давление, металл не легированный... Сплошные нарушения. Эх, как бы беды не было от таких строителей. Есть же поговорка, поспешишь – людей насмешит.

Ну да, поговорка правильная. Только вот в случае с Чернобылем, людей не насмешили, а заставили скорбеть и страдать. Тысячами. Даже десятками тысяч.

Вскоре болтать Сергею Федоровичу надоело, и он ушел. Я его даже поблагодарить за информацию не успел.

В общем-то, я ничего нового не узнал. Тот факт, что четвертый блок построен с нарушениями и отклонениями по стандартам, я и так знал. Бетон сам по себе не рассыплется. Даже при мощном землетрясении. А вот сам реактор вполне мог бы и пострадать – там сложнейшая система трубопроводов, электрической проводки, систем управления.

Если все же допустить, что был локальный природный катаклизм, само здание могло и не пострадать, а вот системы управления... Впрочем, черт его знает. Вот если бы мне самому пробежаться по туннелям под четвертым реактором... Посмотреть, потрогать.

И тут мне в голову пришла безумная мысль, от которой я аж вздрогнул.

А что, если там, в технических помещениях под самой банкой реактора, еще при строительстве была заложена мощная бомба?!

Глава 5

Конечно, вариант с закладкой взрывного устройства тоже не исключен.

Если откинуть нюансы, ну кто бы в здравом уме стал искать следы подрыва бомбы, когда авария уже произошла? Особенно учитывая катастрофические разрушения, астрономический уровень излучения и человеческий фактор? Да никто!

Конечно, спустя некоторое время после аварии, уже когда четвертый энергоблок накрыли саркофагом, все там утыкали датчиками, дозиметрами. Десятки ученых спускались вниз и тщательно проводили замеры и визуальный осмотр непосредственно под тем, что осталось от реактора. И ведь там было на что посмотреть, хотя я бы ни за что сам туда не полез.

Я хорошо запомнил однажды увиденную фотографию «Слоновой ноги», из так называемого кориума – самого радиоактивного сплава на земле. То, что осталось от развороченного взрывом реактора – раскаленная магма, проплавившая защиту и вытекшая на нижние уровни. За годы она успела застыть, хотя и сейчас ее температура чуть выше окружающей среды.

Выглядит эта «нога» кошмарно. Но если кто-то и стал бы закладывать бомбу, то вот именно те помещения подходили больше всего. Получить туда доступ было бы хорошо, да только это практически невозможно.

Разумеется, достоверных сведений у меня не было, но кем-то наверняка были выдвинуты предположения, что реактор мог быть взорван специально обученными людьми. Само собой, это нигде официально не отражено.

А вообще, что толку предполагать? С тем же успехом можно считать, что в здание четвертого энергоблока врезался корабль инопланетной расы.

Отмахнулся от этих мыслей и, вернувшись к реальности, я продолжил работу. Доски таскать надоело, поэтому я переквалифицировался прямо на ходу – забивать гвозди, прибывая тяжелые доски из лиственницы, оказалось интереснее. Дерево было прочное, жесткое. Гвозди входили тяжело, часто гнулись. Пару раз зарядил себе молотком по пальцам, что напрочь отбило у меня желание уходить «в себя».

Так прошло почти два часа, а затем нас позвали на обед.

Сегодня в заводской столовой был суп рассольник и макароны с вареной курицей, салат из квашеной капусты и компот. Но только я уселся за стол и взял ложку, как ко мне подошел Артур. Вид у него был слегка озабоченный.

– Леха, есть дело, – с ходу начал он, подсев ко мне со своим подносом. – Небольшое, но важное.

– Рассказывай! – отозвался я, забыв про бомбу. То есть про ложку.

– Короче, раз тебе Прудников доверяет и в увольнения отпускает... Можешь кое-что в городе купить?

– Смотря, что нужно.

– В общем, все просто. Мы вшестером дембельскую форму себе делаем... Ну, сам понимаешь, что уходить домой в обычной «Афганке» как-то не очень, вот и доделываем, каждый по-своему. Чтобы выглядело красиво и парадно. Знаешь, где в Припяти можно купить аксельбанты, значки, шевроны?

Я даже удивился. Нет, ну главвоенторг, конечно, в восемьдесят пятом году давно уже существовал, но что-то не припомню, чтобы в Припяти имелись такие магазины. Честно говоря, никогда не обращал на это внимание.

– Точно не знаю, но посмотрю, – отозвался я.

Ничего удивительного, обычная просьба. Редко кто из числа демобилизующихся из армии уходит домой, не превратив повседневную полевую форму в парадную. Своими силами, разумеется. Хотя опять же, везде по-разному и кто-то вообще подобным не заморачивается.

- Вот спасибо, Леха! Как на дембель уходить будем, с наших причитается.
- Да не вопрос, – я наконец-то взял ложку и принялся за еду.

В помещении заводской столовой играла ненавязчивая музыка. Прислушавшись, я сразу понял, что это был Юрий Антонов.

*Вмиг огорчения любые
Исчезнут все до одного,
Лишь вспомнишь звезды голубые
Над крышей дома своего,
Над крышей дома своего.*

*Мир полон радости и счастья,
Но край родной милей всего.
И так прекрасно возвращаться
Под крышу дома своего,
Под крышу дома своего.*

Уж не знаю почему, но именно с этим композитором у меня ассоциировались те годы. Даже на душе как-то теплее становилось от его песен.

Помню, увидел его уже в середине двухтысячных годов на концерте в Москве, так такая ностальгия накатила... А сам Антонов даже прослезился, когда весь зал поднялся, подпевая ему в унисон. Только песня другая была – «Поверь в мечту».

Пообедав, я вышел на улицу.

Погода была хорошая, температура плюсовая. Светило солнце, я даже чуть пригрелся на солнце. Набрал полные легкие воздуха, медленно выдохнул. Откинул негативные мысли. Как говорится, очистил разум.

Впереди, метрах в двадцати весело щебетали воробьи, растаскивая высыпанные кем-то хлебные крошки. Рядом голубь чапал розовыми лапами по грязной, только недавно оттаявшей луже, что-то увлеченно гурча.

Справа послышались шаги, подошел прапорщик Кулагин.

- Здравия, товарищ прапорщик! – поприветствовал я.
- Привет, Савельев, – сегодня он выглядел потрепанным. И чего его вдруг вчера на алкоголь потянуло?! – Уже пообедал?
- Так точно.
- Что там сегодня в столовой? – он покосился на входную дверь.
- Суп, макароны и курица. Салат из квашеной капусты. Ну и компот.
- Сойдет, – он что-то задумчиво искал в карманах.

Я решил воспользоваться моментом и проверить достоверность информации, которую услышал вчера от дембелей.

- Товарищ прапорщик... Что там насчет баньки? Все в силе?
- Какой еще баньки? – Кулагин даже растерялся, осмотрелся по сторонам. Очевидно, что такого вопроса он совершенно не ожидал. У меня даже закралось подозрение, что он не помнит о нашем вчерашнем разговоре, хотя пьяным я бы его тогда не назвал.
- Ну как же? – удивился я. – Ту, которую вы строить собрались!
- Тот убедился, что поблизости никого нет и вздохнул.

– А, ну да... Совсем забыл. Ну это, все в силе, в начале апреля и начнем, – прапорщик периодически еще поглядывал по сторонам. Видимо, дембеля были правы, материал он таскал именно отсюда, а потому опасался, что лавочка прикроется. Интересно, и как у него это получилось? Не через забор же?

Впрочем, неважно. Прапорщики – это люди, у которых врожденный талант незаметно брать то, что другие не умеют.

– Это хорошо. Ну, если что, можете на меня рассчитывать, – улыбнулся я, чем окончательно ввел Кулагина в заблуждение. Тот даже не нашелся что ответить.

Вздыхнул. Прекратил рыться в карманах и вошел в холл здания заводской столовой.

Оставшийся рабочий день прошел без каких-либо значимых событий. В шесть вечера, строго по регламенту, прибыл наш автобус, на котором мы отправились обратно на Янов.

Теперь я уже не смотрел по сторонам с таким восторгом как раньше. Улицы, как улицы. Приелось немного, да и две увольнительные подряд сделали свое дело. А о том, что всего через год с небольшим эти улицы могут навсегда стать пустыми, я старался не думать. Чего зря расстраиваться?!

Вообще, за проведенное мной время в прошлом, я давно уже полностью адаптировался. Иногда случались казусы, связанные с ностальгией, но случалось это все реже и реже.

По пути водитель нашего ПАЗа как-то умудрился пробить переднее колесо, пришлось делать остановку и ставить запаску. Пока наши парни, с опытом автомехаников возились с проблемой, я незаметно отошел в сторону на обочину. Так уж вышло, что встали мы на въезде на мост.

Да, это был тот самый мост, который позже нарекут «мостом Смерти». В это время суток уже практически стемнело и отсюда открывался замечательный вид на атомную станцию. Благодаря хорошо освещенной территории предприятия, с того места, где я стоял, можно было подробно рассмотреть машинный зал, где размещались турбины и непосредственно сам четвертый энергоблок.

Сейчас он выглядел грациозно, благородно. Никакой угрозы он не представлял, «мирный атом» полностью был под контролем. Это через пару лет развороченное здание накроет мрачный саркофаг из железобетона, а затем, в две тысячи семнадцатом, на него надвинут новую «Арку».

Примечательно, что в истории сохранилось очень мало фотографических снимков, где аварийный блок еще цел. Их по пальцам можно пересчитать, а ведь там было на что посмотреть. Даже не знаю, почему так сложилось.

Я как-то бывал на Курской АЭС, которую иногда называли двойником Чернобыльской, в особенности потому, что там стояла точно такая же, узнаваемая на весь мир вентиляционная труба ВТ-2. И хотя станции сделаны по одному и тому же проекту, они все равно разные, и атмосфера на Курской электростанции совсем другая. Даже не знаю, в чем тут дело?! Может, если бы я не знал о судьбе Чернобыля, то и атмосферу выделять бы не стал?!

– Эй, Леха! – со спины подошел старший сержант Ракицкий. – Ты чего там увидел?

– На станцию смотрю. Красиво, – медленно произнес я.

– Да? Чего тут красивого? – удивился тот. – Здания, трубы и заборы. Не видно ни черта.

Хотел ему ответить, что не туда он смотрит, да передумал. Все равно не поймет. Это я понимаю, потому что знаю будущее АЭС, а для других – все в порядке вещей.

– Нет, ну размеры-то у электростанции огромные, особенно там, где труба стоит, – вдруг произнес Ракицкий, видимо, проникшись моими словами. – И народу там много работает, тысячи четыре, наверное. Кстати, ты слышал, что вторую роту, что на радиолокационной станции работала, перекидывают на новый объект?

– Это на какой же? – без особого интереса поинтересовался я.

– Как раз на электростанцию, – усмехнулся тот.

– Чего? – я посмотрел на него с подозрением. – Seriously, что ли? Наших на атомную электростанцию? И что они там будут делать?

– Да откуда я знаю? – отмахнулся старший сержант. – Это лейтенант Зубов сегодня с утра рассказывал. Мне неинтересно, мое дело – баранку крутить, если комбат прикажет. Я

сегодня вообще просто так поехал, от УАЗа отдохнуть. А остальное мне до лампочки. Так-то до дембеля мне всего семьдесят девять дней осталось...

Услышанная новость меня крайне удивила. Если это и вправду так, то мне нужно из кожи вон вылезти, чтобы перевестись на другой объект. Ничего полезного на «Юпитере» мне больше не светит, да и про таинственного Лисицына я там вряд ли что-то узнаю.

Лучше бы о переводе поговорить напрямую с Прудниковым, но это уже на крайний случай. Вообще, мой непосредственный командир – это лейтенант Зубов, и все решения по перемещению подчиненного личного состава внутри подразделения между объектами принимает он. По сути, лейтенант временно исполняет обязанности ротного.

В любом случае нужно узнать об этом побольше. Мало ли для чего наших ребят на станцию перекидывают... Такие решения принимаются не на местном уровне. Понятно, что солдат, работавших на радиолокационной станции, не пускали туда, где им быть не положено. Только жилые и административные здания. Я на девяносто пять процентов уверен, что кого из сослуживцев ни спроси, они и понятия не имеют об истинном назначении ЗГРЛС.

Проколотое колесо поменяли минут за десять.

– Эй, вы двое! Особое приглашение нужно? – крикнул Кулагин, обращаясь к нам с Ракицким.

Мы бегом вернулись в автобус, затем тот продолжил движение. Прибыли на Янов без инцидентов.

Уже оказавшись в нашей палатке, я поинтересовался у дембелей:

– А кто-нибудь знает, куда людей переводят с радиолокационной станции?

– На другую станцию, – зевнул Артур. – Атомную.

– И зачем мы там сдались?

– Там новые административные здания возводят, а внутреннюю отделку, как обычно, скидывают на потом, – заметил Виктор, готовясь заступать в дежурство. – Вот про нас и вспомнили.

– Погодите, какие административные здания? – нахмурился я. – Там же все четыре блока давно работают.

– Тьфу, да я ж про новые говорю, которые строятся. Вроде так же Зубов говорил?!

Точно, я совершенно забыл про третью очередь. Пятый энергоблок на момент катастрофы был на завершающей стадии. В восемьдесят седьмом году планировали его запуск. А в дальнейшем вообще рассчитывали ввести в строй до двенадцати реакторов. Но это так, ничем не подтвержденная городская легенда.

– Ну, это ж не Прудников решил? – спросил кто-то из дембелей.

– Да ну, это решение со штаба прилетело, – возразил Серега, набивая чем-то рот. У этого толстяка всегда было что погрызть. – У нашего комбата полномочий таких нет, чтобы подобные вопросы решать.

– Леха, чего это ты так интересуешься? Сдалась тебе эта станция? – вдруг спросил Ракицкий. – Что там полы стелить, что на «Юпитере». Какая разница?

– Ну, интересно же, как там все устроено, – пробормотал я первое, что пришло в голову. Нужно было соответствовать уровню. – С детства мечтал на атомной станции побывать!

– Ага, размечтался, – усмехнулся Серега. – Там, где реакторы стоят, тебя на километр не подпустят. А где административные постройки – ничего интересного не происходит. Считай те же офисы, где бухгалтера сидят.

– Толстый, ты что там опять жрешь? – спросил Артур, принохаясь. – Опять печенье?

– Ничего я не толстый! – возмутился тот, снова затянув старую песню о главном. – Не печенье, а пряники.

Я промолчал. Конечно же, я все понимал, однако нужно было вести себя соответствующе и не вызывать подозрений. Ну, подумаешь, хочется человеку побывать там, где собрана такая мощь?!

В действительности это был реальный шанс подобраться поближе непосредственно к самой станции, быть может, поговорить с людьми, что там работают. А там, глядишь, отец подскажет кого-нибудь, у кого не вызовут подозрения мои вопросы. Наивно так полагать, но все-таки.

Пришлось одернуть себя и сбавить обороты – слишком я увлекся и многого захотел.

И вообще... Уже не один раз я замечал за собой, что после воскрешения в советском прошлом, моя личность частично растворилась в личности предшественника. По всей видимости, произошло не только смешивание памяти, но и общее восприятие окружающего мира, принцип принятия решений.

Иногда я совершал ошибки, свойственные не для подполковника с таким стажем, а скорее, для обычного школьника. Был не сдержан, лез на рожон, как тогда, у магазина «Березка». Поступки во многом были необдуманные, рискованные. Сдерживало только то, что какой-то частью мозга на уровне подсознания я понимал, как нужно, а как нет. Жаль только, что работало это не всегда...

И это было хорошо. Отчасти. Вызывало меньше подозрений. Действуй я как профессиональный военнослужащий в теле восемнадцатилетнего пацана, непременно привлек бы к себе много внимания. Хотя, вообще-то, я и так его привлек – Андрей сразу раскусил во мне черту, которая была совсем не по возрасту. Хотя и сам он толком не смог бы объяснить, что именно его во мне смутило...

Эх, если бы посадили меня под полиграф или отдали на растерзание какому-нибудь опытному психологу, тот быстро понял бы, что я птица экзотическая. К счастью, такие методы были непопулярны, да и кому я сдался? Других индивидов хватало.

Ладно! В любом случае нужно побольше разузнать про планируемые работы на ЧАЭС... В общем, вопросов здесь тоже много. Особенно я выделял момент, касающийся конкретного места, а то еще окажется, что нужно новый пруд-охладитель выкопать просто потому, что на объекте все экскаваторы внезапно вмерзли в землю.

Вот с завтрашнего утра и начну. Нужно попробовать подойти к Зубову, вдруг попаду на хорошее настроение?!

* * *

Но утром я никуда не пошел.

Проснулся я с температурой и жуткой головной болью. Сразу понял – что-то не так. Кое-как поднявшись с кровати, через боль и ломоту в мышцах, я подошел к небольшому зеркалу. Оно у нас висело прямо на центральной распорке, зафиксированное между двумя гвоздями.

Лицо красное, глаза опухшие.

Ну все, простудился. Ни хрена ж себе меня угораздило... Да как так-то? Я же вроде везде одетый был, на улице не раздевался. Предупредив Артура, что плохо себя чувствую, я отправился в лазарет.

Штатного врача здесь как такового не было. Имелся начальник медицинской службы, да два санитарных инструктора из числа старослужащих. Даже странно, на целый батальон и такой штат? Начнись тут какая-нибудь эпидемия, так лазарет захлебнется, не справившись с нагрузкой.

Батальон обычно состоит из нескольких рот, число которых варьируется. Само собой, наше подразделение было неполным, всего две роты по восемьдесят человек.

Измерили мне температуру, оказалось тридцать восемь и семь. Поставили предварительный диагноз острая респираторная вирусная инфекция и положили на изоляцию. Я тут же получил таблетку парацетамола, горсть аскорбиновой кислоты и чуть позже еще какую-то таблетку.

– А это еще что такое?

– Лежи, ефрейтор. – отозвался Шевцов. – Кальцекс это.

Я даже улыбнулся. Можно сказать, советское противовирусное. Назначали как раз при ОРВИ, насчет эффективности уже и не вспомню. Но одно скажу точно, уже в двухтысячных про это название практически позабыли.

Конечно, внезапная болезнь спутала мои планы, причем основательно. Целых три дня я валялся на больничной койке, считая таблетки, кровати и тумбочки. Из симптомов сохранялась только скачущая температура, слабость, да головная боль. Пару раз мне даже горчичники ставили, хотя я так и не понял, зачем это было нужно? Кашля-то у меня не было.

Санинструкторы из дембелей так себе. Один вообще считал, что все болезни можно лечить зеленкой, другой никак не мог понять, чем отличается стерильный бинт от нестерильного. Благо сам начмед, в звании старшего лейтенанта, свое дело знал очень хорошо...

Уже к вечеру четверга меня немного отпустило.

За это время забегал Витек, интересовался состоянием здоровья, потом приходил с проверкой лейтенант Зубов. Даже Прудников заглянул, правда, это вообще получилось случайно. Тот зашел взять какие-то лекарства, а меня там обнаружил уже по факту.

– Савельев?! – удивился майор, подходя к моей кровати. – Ты почему здесь?

– Болею, – коротко ответил я. Ну а что мне ему ответить? На глупый вопрос, глупый ответ.

– Шевцов! – крикнул комбат, ища глазами начальника лазарета. – Где начмед?

– Я! – старлей вынырнул откуда-то сбоку, держа в руках банку с градусниками.

– Что с Савельевым? – пробурчал майор, указав на меня пальцем.

– Вирус, товарищ майор. Уже идет на поправку. Вовремя выявили, пресекли.

– Это хорошо. И сколько он уже здесь лежит?

– Третий день. Я вам в расходе каждый день указываю, кто у меня на излечении и с каким диагнозом. Вы что, не читаете?

– Ясно! – отмахнулся Прудников.

– Товарищ майор, разрешите вопрос? – спросил я, глядя на комбата.

– Ну?

– Там по поводу меня никто не звонил? – напрямую заявил я. Сам прекрасно помнил, что по телефону мне сказал Андрей – он будет в Припяти в четверг. Интересно, он уже здесь или все переигралось?

– Нет, – раздраженно ответил комбат. – Не до тебя мне сейчас.

Затем он повернулся, отозвал в сторону Шевцова. Тот кивнул, открыл ящик своего рабочего стола и, вытащив оттуда пару блистеров, сунул майору какие-то таблетки. Прудников кивнул и быстро покинул лазарет.

Выглядел офицер как-то нехорошо.

Я заметил, что после того, как он тогда поговорил в гостинице с Маргаритой, настроение у майора сильно испортилось. Взгляд поменялся. Что же, блин, там у них произошло? Уже который день комбат ходил сам не свой. Может, какие-то проблемы у Богдана? Может, я где-то палку перегнул?

К вечеру воскресенья я чувствовал себя уже нормально. Температура болталась в районе тридцати семи с половиной, а остальные симптомы отступили. Однако стоило мне заикнуться о выписке из лазарета, как Шевцов тут же отправил меня обратно в койку.

– Рано еще! До субботы полежишь!

Лежать было скучно. Из всех обитателей здесь были только двое молодых: один с конъюнктивитом, другой с воспалением легких. С ними общего языка я не нашел, какие-то они пришибленные оказались.

Само собой, в субботу я рассчитывал взять еще одно увольнение – ну да, согласен, к хорошему быстро привыкаешь. Губу я раскатал знатно – каждую неделю в увалы ходить.

Все-таки здравый смысл взял надо мной верх, и я понял, что на эти выходные мне точно свободы не видать. Так оно и получилось.

Андрей на связь не вышел, что меня, само собой, расстроило. Я ведь серьезно намеревался рассказать ему кое-что интересное, причем не лишь бы что, а информацию относительно будущей аварии. Хотел упомянуть еще и Лисицына, кем бы он ни был. Для комитетских проверить этого гражданина проще простого... Заодно я намеревался выяснить, какова будет реакция самого Андрея на мои слова. Вполне ожидаемо, что его это несколько не удивит – с чем только КГБ на практике не сталкивался. Тем более, неподалеку самой АЭС стояла еще и «Дуга», которая и была главной целью.

В общем, когда чуткий Шевцов меня все-таки собрался выписывать, была уже суббота. Я успел переодеться и собрать свои шмотки, сдать постельное белье. Больше двух часов тупо сидел на табурете и ждал, пока меня наконец выпустят из насквозь пропахшего дезинфицирующим раствором лазарета.

Вдруг снаружи послышались какие-то крики. Шум. Начмед быстро оделся и куда-то убежал. Не было его минут двадцать. Вернулся озабоченным.

– Эй, Мишка! Что случилось? – спросил я у санинструктора, проходящего мимо меня.

– Прудников в аварию попал, – бросил тот, не раздеваясь. – Вроде серьезно. Как бы не насмерть...

Глава 6

Никто толком ничего не знал о случившемся.

Лезть под горячую руку к офицерам я не стал – прекрасно понимал, что это значит. Да и выглядело бы совершенно не к месту.

Я забрал свои вещи, отметился у санинструктора, затем вернулся в свою палатку. Артур и остальные почему-то еще не вернулись с «Юпитера», а про бойцов из другой роты я вообще ничего не знал. Быть может, за пять дней все изменилось, и наших людей уже отправили в Чернобыль?

На часах было около пяти вечера. Начинало темнеть.

Ждал ужин. Чем только я ни занимался: читал чью-то книгу Стругацких, вновь изучал блокнот с каракулями Григория, размышлял над своими дальнейшими действиями.

Перво-наперво все сводилось к встрече с Андреем. Прибыл ли он в Припять или у него появились другие, более важные задачи? Учитывая его ранг и влияние, не удивлюсь, что у него и часа свободного нет. Но если он откликнулся на мою просьбу и находится в городе, то почему не вышел на связь?

Само собой, я понимал, кто я такой? Простой ефрейтор, отчего-то решивший, что на нем свет клином сошелся и все ему должны?! Да, знаний у меня хватает, опыта тоже, а вот самонимение явно завышено. Как бы меня ни ценил Андрей, для него я просто случайный человек, удачно подвернувшийся под руку.

Все верно, отчасти я так и думал. Уж по поводу Андрея точно – он мне ничего не должен и сам решит, когда и сколько мне уделить времени.

В конце-то концов, будет нужно, он сам на меня выйдет.

Сам не знаю почему, но вдруг вспомнил, что примерно в середине марта генеральным секретарем стал Михаил Горбачев. Вот уж человек, который, грубо говоря, своими неумелыми действиями развалил СССР. Помню первую инициативу Горбачева по поводу реформы так называемого ускорения. Итогом стало начало перестройки. Затем последовала советская антиалкогольная компания, которая тоже навела шороху. Повсеместно сокращали количество виноградников, уменьшали продажу алкоголя в магазинах. Практически полностью из продажи исчез сахар, типа чтоб пресечь незаконное самогонование. Вместо этого ввели карточки на сахар. Конечно, были и свои плюсы, но все равно страна понесла громадные убытки. А уже в две тысячи пятнадцатом году сам Горбачев признал, что эта кампания восемьдесят пятого года была большой ошибкой.

Следующей ошибкой стало назначение на пост московского горкома КПСС Бориса Ельцина. Затем исчезновение многих товаров из магазинов, скрытая инфляция, введение карточек. Тьфу, даже вспоминать не хочу.

Зато с инициативы Горбачева появился АвтоВАЗ, значимое событие для всего советского автопрома.

Отмахнулся от этих мыслей, встал с кровати. Вышел на свежий воздух, постоял там немного.

Затем сходил на ужин, но по возвращении в палатку убедился, что наших дембелей все еще не было. И это было странно – они что, сквозь землю провалились? Спросил дежурного по этому поводу – молодой был не в курсе.

Начал нервничать. Что за ерунда?

Немного подумав, отправился на пост связи и застал там Виктора. Тот был какой-то взъерошенный, суетной.

– Здорова, Витек! – с ходу начал я, подходя ближе. – Слушай, а где Артур и остальные? Суббота же...

– Леха, не до тебя сейчас, – отмахнулся ефрейтор. Он возился с радиостанцией, что-то там настраивая. Через стенку с кем-то ругался по городскому телефону начальник узла связи – давненько я его уже не слышал. Вечно старлей в каких-то разъездах был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.